

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

КОРАБЛЬ В ПУСТОТЕ

РОМАН

Открыв на всякий случай багажную полку над головой, я обнаружил там свой портфель, который последний раз видел в “Аквариуме”, и немного успокоился. Может быть, и доклад имеется. Не написанный мной, кстати, в реальности. Если в портфеле ещё лежит и мой планшет, а в нём есть файл с докладом, то я могу отправить его себе же на электронную почту. Точнее, пошлю файл отсюда, а там, в своей первой жизни, его получу. Но, скорее всего, здесь другая почта и другой интернет.

— Борис Сергеевич, а ведь вы забыли свою бутылочку! — сказал Стригунов, тоже полезший за ручной кладью.

— Какую бутылочку?

— Ну, когда вы садились, у вас ещё пакет был из Duty free. Вот он.

Я заглянул на полку и увидел в уголке пакет с литровой бутылкой “Баллантайнса”.

— Вот спасибо, — пробормотал я, — а то ведь так бы и оставил.

Лосев номер три летел за границу, не забыв отовариться в Duty free, как всякий уважающий себя российский вояжёр. Значит, есть на что? Паспорт с визой-то я нашёл, а деньги? Конкретно — евро? Надо полагать, если “Аквариум” позаботился о спиртном для меня, то и командировочными в валюте обеспечил. Но искать бумажник сейчас, в этой толкотне между кресел, я не стал. Посмотрю в более подходящей обстановке.

Итак, испытание номер один, с портфелем, я прошёл. Теперь предстоит испытание номер два: получу ли я чемодан? Постою вместе со всеми у багажной ленты и, если не увижу похожего на мой, пойду так, с портфелем и бутылкой.

На паспортном контроле весёлая девушка с распущенными чёрными волосами вlepила штемпелем, напоминающим водопроводный гусак, прямоугольник “Venezia R D31” на чистую страницу моего паспорта аккуратно посередине да ещё наискосок, — фиг теперь поставишь сюда ещё один штамп. Но какая мне разница? Другого штампа в этом паспорте, может быть, и не будет. И паспорта тоже. А меня? Однако хватит о грустном. Поскольку другой реальности пока не предвидится, будем существовать в этой.

В небольшом зале выдачи багажа было всего две ленты-транспортёра, причём одну стилизовали под колесо рулетки — с красными и чёрными секторами, цифрами и надписью: “Casino di Venezia”. Как и следовало ожидать, лента оказалась нашей. Внимание, венецианская рулетка начинается! Что ж, зеркала “Аквариума” — тоже своего рода рулетка. Загадать поле, на котором приедет мой багаж? Всё какая-то чушь лезет в голову. Свой чемодан я

узнал по ручке, характерно потёртой сбоку, да ещё по колёсам с двойными ободьями. Всё остальное было упаковано в пластик, в отличие от южноморского вояжа. Ну, понятно, всё же в Европу полетел. Сам-то я не фанат упаковки, жена всегда настаивает, когда вместе летим.

Куда идти, я не знал, поэтому подождал, пока Стригунов и Лилу получают багаж.

— Колюбакин должен нас ждать у выхода, — сказал ректор. — Ага, вот и СМСка от него. Пошли.

И мы, как все остальные пассажиры, покатали чемоданы по указателю с надписями *Uscita/Exit*. Колюбакин с табличкой-биллингвой в руках “Конгресс венетологов. *Congresso dei venetologi*” выглядел, как великовозрастный придурок: в джинсовых шортах до колен, открывающих волосатые лодыжки, и застиранной футболке с мордой крылатого льва и надписью по кругу: “*VENETIARVM VNIVERSITAS. Università Ca' Foscari di Venezia*”. Он пополнел, лицо округлилось. “Пасту, наверное, жрёт”, — механически отметил я. Пока Стригунов и Лилу с ним обнимались (Лилу — с лицемерной гримаской, скрывающей брезгливость), я внимательно смотрел на него, пытаюсь угадать: какая роль ему отведена в этом сюжете? Здесь он на том месте, что занимал в Южноморске г-н Хачериди. Хачериди исчез. *Ergo?*.. Да ничего не *ergo*: в “Аквариуме”, как известно, обычная логика не работает. Когда ректор представлял меня Колюбакину, я решил поозорничать и сказал:

— Воистину, вы здесь, как корабль в пустоте.

— Простите?.. — он пристально глянул на меня. А может, и показалось, что пристально. — В каком смысле — корабль?

— В смысле — родной корабль в чужой гавани. — Я широко улыбнулся. — Нет? А вы что подумали? Вспомнили фильм “Ботинки мертвеца”?

Теперь уже Стригунов смотрел на меня недоуменно, а Глазова — с прищуром.

— Не видели? — повернулся я к ним. — Очень уж Дмитрий Евстигневич на персонажа оттуда похож. Он ещё там поёт песню про корабль в пустоте.

Герой этого фильма не был похож на Колюбакина и не пел никакой песни (она звучала за кадром). Колюбакин потарашился на меня, моргая, и отвёл глаза.

— Ну да, вы же писатель, — пробормотал он. — Предпочитаете, так сказать, образы и ассоциации.

— Точно, метафоры, — кивнул я. — Переносы. Переносы души с одного места на другое.

— Какой души?

— Моей или вашей. Вообще души объекта сравнения. Вы что же, меня не помните?

— Борис Сергеевич, оказывается, бывал в Южноморске., — натянуто улыбаясь, пояснил ректор, хотя по лицу его было видно, что лично ему это пояснение ничего в моих странных речах не проясняло.

— А-а-а... И мы там встречались?

— Встречались, — подтвердил я, но больше ничего не добавил.

Колюбакин взирал на меня исподлобья, сдвинув брови.

— Ага, ага. Вот так, значит. — Что ещё сказать, он не знал, но его выручили пришедшие на зов двуязыкой таблички другие российские делегаты. Он занялся ими и повернулся ко мне спиной.

А я так и не понял, откликнулся ли в этом Колюбакине Колюбакин, общавшийся со мною в Южноморске. Вот Лилу — откликнулась, хотя и на уровне подсознания. С этим же как-то посложнее. Лупит свои зенки на меня, а с какой задней мыслью — Бог знает. Ну, что ж, ещё не вечер, пощупаем его попозже.

Когда собрались все участники из России (Кирова, кстати, среди них не было), Колюбакин предложил пройти к припаркованному напротив стоянки такси микроавтобусу “мерседес”.

— Вы будете жить здесь, на материке, в Местре, — на ходу сообщил он. — И конгресс тоже будет проходить в Местре.

— В Местре? — разочарованно протянула Лилу. — А почему же не в Венеции? Ведь ваш университет находится в центре города, мы смотрели по Гуглу!

— В университете Ка'Фоскари есть, конечно, и общежитие, и зал для конгресса, но, понимаете... в Венеции довольно остро стоит вопрос об автономии... а тут — конгресс венетологов, изучающих древних венетов... О которых иные говорят, что они предки славян... И власти решили не дразнить гусей, сбаврили мероприятие в город-спутник. Чтобы, так сказать, и духу вывески “Congresso dei venetologi” в самой Венеции не было. Это, конечно, неофициальная версия. Официальная: чего вам толкаться со студентами? Учебный год-то ещё не кончился. А в Местре тихо, спокойно и т. д. Вот если бы вы были венерологи! — скаламбурил он в своём духе. — Тогда бы точно заседали в палатце и жили на берегу канала. А так... Но вы не беспокойтесь: отель недалеко от дамбы, так что Венецию вы посмотрите. Прошу вас: багаж можете разместить сзади. — И он весьма бойко заговорил с чернокожим водителем микроавтобуса по-итальянски; тот открыл заднюю дверь.

— Вишь, насобачился по-местному шпрехать, — уважительно сказал Стригунов.

Мы довольно вольготно разместились в “мерседесе” (влезло бы ещё человека четыре) и поехали. Через пару минут мы уже были в Местре. Как в невысоких парижских пригородах ничего не напоминает о Париже, так и здесь ничего не напоминало об известном всем образе Венеции. Местре был застроен двух- и трёхэтажными разноцветными домишками, по обочинам шоссе росли низкие пальмы, обципаные тополя и голоствольные пинии с плоской кроной. Людей на улицах почти не наблюдалось.

Дмитрий Евстигнеевич, сидевший рядом с водителем, обернулся ко мне и сказал вполголоса:

— Вы давеча говорили так загадочно, я не всё понял...

Я усмехнулся:

— А между тем, я практически цитировал вас.

— Вот как? Хм... “Ботинки мертвеца”... Да, я видел этот фильм. Не знаю, кто там на меня похож, но песню про корабль помню. Значит, мы и впрямь встречались? Странно, у меня вообще хорошая память на лица... Может быть, мы встречались э-э-э... скажем, в неформальной обстановке?

— Со спиртным или ещё чем-то? — уточнил я, сделав акцент на “ещё чем-то”.

— Ну... да.

— Нет, мы говорили на вашей кафедре, в рабочее время.

— Неужели? А... — Но тут что-то впереди отвлекло его от разговора. — Посмотрите направо, — громко сообщил он всем. — Это — отель Hilton Garden Inn Venice Mestre. В его конференц-зале и будет проходить конгресс.

Я повернулся к окну и даже вздрогнул — так этот “Хилтон” своими застеклёнными корпусами походил на “Аквариум”.

Между тем, мы промчались мимо.

— А почему же тогда мы едем не в “Хилтон”? — не без ревности заинтересовалась моя соседка — полная дама с короткой стрижкой, представившаяся в аэропорту фамилией из Достоевского — Голядкина.

— В “Хилтоне” дорого станет жить для пятидесяти человек, — хмыкнул Колубакин. — Четыре “звезды”. Но в отеле “Альвери”, куда мы едем, тоже неплохо — лучше, чем в общежитии. Открытого бассейна там, конечно, нет, да ведь ещё не сезон — купаться в бассейне.

— В “Хилтоне”-то хотелось бы хоть раз пожить, — вздохнул Стригунов.

— Вы будете заседать в самой лучшей части “Хилтона”! — жизнерадостно уверил Дмитрий Евстигнеевич. — Там в фойе — бесплатный кофе из автомата!

— А, так значит, кофе-брейка не будет?

— Будет и он! Организаторы обо всём беспокоились!

Реальность “Аквариума”, как всегда, искажалась причудливо, с издёвкой поворачиваясь то одним, то другим боком. Вот мелькает отель, похожий

на южноморский, и я, по свойственной людям линейной логике, уже полагаю, что всё происходящее со мной здесь — зеркальное отражение произошедшего в Южноморске, но не тут-то было! Мы проносимся мимо, оставляя сюжет с исчезновением в “Хилтоне” для какой-то другой комбинации в лабиринте. Поди их разгадай! В Южноморске мы должны были заселиться в похожий отель, а в Местре в нём будет проходить конгресс. В чём “фишка”? Какой в этом смысл? Где мы исчезнем, если исчезнем? В какой-нибудь библиотеке? Музее? На Мосту Вздохов?

Пейзаж провинциального города за окном резко сменился на индустриальный, с какими-то глухими корпусами, ангарами, складами, автосервисами, офисами, долгими металлическими заборами, закрытыми парковками и редкими жилыми многоэтажками. Примыкающая к аэропорту часть Местре была ещё похожа на Италию, хотя и не похожа на Венецию, а в этой уже не было и ничего специфически итальянского. Что-то подобное наблюдаешь, когда едешь от Кольцевой, скажем, в Строгино. Или в Химки. Промзона и промзона, хотя и без особого уродства. Ощущалось дыхание в спину промышленных гигантов, которые мы видели с самолёта при подлёте к Местре.

И, если бы не надпись “Hotel Alveri” на бетонной ограде того дома, к которому мы подкатили, окружив между офисов и складских помещений, я бы ни за что не подумал, что это отель. Четырёхэтажное желтоватое здание имело форму корабля, который сужался к носу и, соответственно, расширялся к корме. Роль форштевня выполняла винтовая лестница, переходящая в галерею на каждом этаже.

— Приехали! — объявил Колобакин. — Пожалуйте в отель. Не забывайте свои вещи.

Я вылез из микроавтобуса. Вокруг была удивительная пустота, тишина. Даже свет казался неярким, хотя всюду светило солнце. Заборы, ангары, тупики. Так вот он — корабль в пустоте? Накаркал я на свою голову в аэропорту!

— Твёрдые три “звезды”! — пообещал Дмитрий Евстигнеевич. — Гарантирую!

— Где мы вообще находимся? — осведомился я.

— А вот, посмотрите! — Колобакин указал на табличку с надписью: “Via Giuseppe Paganello 18”.

— Вы думаете, мне это что-то говорит? — Тут я вспомнил, что в мире “Аквариума” все названия со смыслом — не сразу, правда, постигаемом. — Кто такой Джузеппе Паганелло?

— Увы, не знаю. — И скаламбурил, по своему обыкновению. — Но знаю, что “погоняло” этого Джузеппе — Паганелло!

— А как переводится “Альвери”?

Он беспомощно развёл руками:

— Может, это фамилия хозяина? Надо бы спросить на ресепшене.

Мы разобрали чемоданы и потянулись ко входу. Вот он, момент истины, размышлял я. В “Аквариуме” всё произошло именно у ресепшена. Вряд ли мы здесь исчезнем, как там, да и нас пока не пятьдесят человек, но какая-то пакость непременно случится.

— Как-то сомнительно, что в этом уютге есть пятьдесят одноместных номеров, — заметил я Колобакину, хотя думал совсем о другом. — По двое, что ли, сидеть будете?

— О, не беспокойтесь, здесь сейчас почти никто не живёт. Все участники будут жить по одному — если надо, в двухместном.

Мы вошли гуськом в отель и сразу заполнили собой весь небольшой холл. На этот раз я не стал спешить к стойке — хотелось посмотреть, как регистрируются другие. Чтобы потом меня не уверяли, будто бы они не регистрировались. Я даже сделал на телефон общее фото соотечественников у стойки. И тут я увидел слева от ресепшена лобби с двумя составленными углом красными кожаными диванами, над которыми висело по картине. На них изображён был один и тот же сюжет, только с разных ракурсов: крытая галерея со львом святого Марка на бушприте, идущая весельным ходом под алым венецианским флагом. На мостике корабля отважно стояла, поднимая бокал,

разодетая и, наверное, нетрезвая синьора под красным зонтиком, догаресса, быть может, а за ней, в тени балдахина, угадывались пирующие рожи. Подойдя поближе, я понял, что вторая картина — это зеркало, в которой отражалась первая, а теперь отразился и я собственной персоной. Физиономия моя имела вид какой-то дурацкой и немного перекошенной. Что ж, немудрено — я прибыл сюда из падающего самолёта.

Повернувшись к оригиналу картины, я стал изучать её. В ней не было ничего необычного и художественно привлекательного, немного смущала только эта вылезшая на мостик догаресса. “Догаресса молодая...” Так это же из Пушкина, из его незавершённого венецианского сюжета! —

*Ночь светла; в небесном поле
Ходит Веспер золотой,
Старый Дож плывёт в гондоле
С Догарессой молодой...*

Может быть, картина каким-то образом продолжает стихотворение Пушкина? А что, здесь, в “Аквариуме”, и не такое возможно... Если этот сюжет, как утверждают некоторые пушкинисты, называется “Марино Фальеро”, то события дальше будут развиваться так: одна из рож под балдахином оскорбит нескромную догарессу, а затем и вставшего на её защиту старика Фальеро. Дож потребует от сената наказать дерзкого вельможу, но сенаторы ограничатся ничтожным взысканием. Тогда Фальеро примкнёт к заговору военных против венецианских патрициев, будет схвачен накануне восстания и обезглавлен. По преданию, отрубленную голову экс-дожа сбросят с вершины “лестницы гигантов” Дворца дождей.

Я вернулся к стойке. Все регистрировались чин чинком, сдавали паспорта на ксерокопирование, получали карточки. Портье вносил каждого в гостевую книгу. Ничего подозрительного. Я был последним. Мне выпал номер 203.

— Повезло, двухместный, — прокомментировал Дмитрий Евстигневич. — Я же вам говорил!

— Спросите у портье, что такое “Альвери”?

— А, сейчас. Il cliente è interessato: cosa significa “Alveri”?

Кудрявый, с седной на висках портье поднял брови и пожал плечами:

— Mi scusi, signore, non lo so, lavoro qui di recente.

— Он не знает, потому что работает здесь недавно, — перевёл Колобакин. — Попросить позвать менеджера?

— Ладно, проехали.

— Тогда прошу в лифт. Дамы и господа, заходите по четыре человека. Через час в здешнем кафе ланч. Вас приедет приветствовать представитель оргкомитета. К тому времени и словенцы подтянутся.

— А итальянцы? — зачем-то поинтересовался я.

— Они у себя дома, им спешить некуда, поэтому появятся позже всех.

Итак, размещайтесь, а я через некоторое время принесу вам материалы по конгрессу.

Комната 203 находилась в “кормовой”, широкой части отеля, на третьем этаже, то бишь на втором, если считать по-местному, ибо первый этаж у них — нулевой. Номер, действительно, был неплохой, не тесный, с лоджией, только с какой-то навязчиво-минималистической обстановкой: например, все шкафы и полки не имели дверец, и вещи, таким образом, выставлялись на всеобщее обозрение. Холодильник, он же мини-бар, впрочем, был с дверцей. Но со стеклянной.

Поставив чемодан, я первым делом проверил, есть ли у меня валюта. В бумажнике я увидел несколько зелёных стоевровых купюр, — сколько именно, даже считать не стал, всё равно не мои. Как появились, так и исчезнут при очередном перемещении.

Потом я полез в портфель в надежде обнаружить доклад и быстро нашёл среди прочих бумаг текст в пластиковой папке, озаглавленный “К вопросу об альтернативной расшифровке Птуйской надписи”.

Я взял доклад, посланный мне из астрала, и вышел на балкон. Напротив, за купой деревьев, было здание неизвестного предназначения с глухой стеной. Справа пролегла линия железной дороги и шоссе вдоль неё. И заборы, заборы. Я сел в шезлонг, вытянул ноги и стал изучать текст.

Там, как я и ожидал, излагалось то же самое, что я рассказывал Стригунову и Глазовой в самолёте, но в преамбуле имелось и нечто новое, — то, что я подчёркивал для себя в источниках или выписывал из них, но не свёл ещё воедино:

“Древнегреческие и древнеримские авторы свидетельствуют, что в эпоху античности племена, называемые венетами или венедами, проживали по всей Европе и в Азии. В обобщённом виде почти все эти сведения приводит Густынский летописец XVII века из Малороссии.

1. *Венеты в Пафлагонии* (северное побережье Малой Азии), которых в IX веке до н. э. упоминает Гомер в “Илиаде” (852). Он говорит, что Пилемен из рода *энетов* (Enetoi), предводитель пафлагонцев, пришёл со специальным отрядом на помощь осаждённой Трое. На это сообщение в дальнейшем более или менее очевидно опираются все греческие и латинские авторы, упоминающие о венетах (генетах).

2. *Венеты в Илирике*, по нижнему течению Дуная, упоминаемые Геродотом в V веке до н. э. (I, 196). Геродот тоже называет их Enetoi. Имеется и соответствующее указание в “Повести временных лет” (XII век н. э.): “Илюрик — словене”.

3. *Венеты в Верхней Адриатике*, которых также упоминает Геродот (V, 9). Латинские авторы тоже называют их венетами, и в этой связи приводят историю о том, что их после падения Трои привёл в эти местности легендарный вождь Антенор. Имя этого вождя наводит на мысль о том, что название более позднего славянского племени *анты* есть лишь видоизменённое Enetoi. По-видимому, к троянским венетам относится и *Эней*, спасшийся из развалин Трои и ставший, согласно древнеримским преданиям, пращуром основателей Рима.

4. *Венеты в Центральной и Восточной Европе*, которых в I-II веках н. э. упоминает Тацит (Ger., 64) и Плиний (IV, 97) под именем Veneti, Venethi или Venedi, а также Птолемей (III, 5) под именем Venedai. Последний упоминает также Венетский залив (возле Гданьска) и Венетское нагорье (в Мазовше или в Восточной Пруссии).

5. *Венеты в Галлии (Бретань)*, упоминаемые Цезарем, Плинием, Страбоном, Птолемеем, Кассием Дио и др. Эти венеты возвели своё поселение также в Британии, известное под названием *Venedotia*, или *Gwineth*.

6. *Venetus lacus*, по названию Боденского озера в I веке н. э., приведённому Помпонием Мела (III, 24).

7. *Венеты в Лации* (близ Рима), упоминаемые Плинием под названием Venetuliani (Nat. hist. III. 69). Археология утверждает, что арийское население присутствовало уже после переселения народов, относимого к периоду культуры полей погребальных урн на склонах Албанских гор и в римском Палатине (Д. Серджи).

В дверь постучали.

— Да!

Вошёл Колобакин.

— Вот ваш бейджик, Борис Сергеевич, вот программа, вот расписание мероприятий. А вы намерены сидеть здесь до самого ланча?

— А разве есть другие предложения?

— Есть. Наш “мерседес” сейчас поедет на Площадь Рима, чтобы забрать человека из университета и привезти сюда. Давайте воспользуемся этим и махнём с охапкой в Венецию. Я проведу экскурсию для своих.

Я насторожился: так, начинается, кажется! Не на подобную ли экскурсию позвали этрускологов после заселения в “Аквариум”? Я посмотрел в хитроватые глаза бывшего доцента, ища в них какого-то подвоха, но ничего особенного не прочитал.

— А “свой” — это кто?

— Ну, Стригунов, Глазова, вы. Вы же с ними, как я понял, в приятельских отношениях. Да и с вами мы, оказывается, в Южноморске встречались.

— А у нас что, в программе нет экскурсий?

— Есть, конечно, галопом по Европам, будут водить толпой, подгоняя. А мы ходим с чувством, с толком, с расстановкой. Я буду вашим чичероне. Так что, согласны? А то водитель уедет, и добраться быстро в Венецию будет проблематично.

— Вы же говорили, что отель недалеко от дамбы.

— Так и есть, вон она, за дорожной развязкой, которую мы проезжали, но сегодня праздник, и автобус отсюда по дамбе до Пьяццале Рома не ходит. За доставку на гостиничном минивэне запросят по четыре евро с носа. Вроде недорого, но зачем платить, если можно съездить бесплатно?

— А какой сегодня праздник?

— День святого Марка, покровителя города. В последние годы праздник оседлали сепаратисты, и на Сан-Марко двадцать пятого апреля весьма весело. Я, собственно, ещё потому хотел бы поспешить, что к вечеру там всё закончится. А нам от Пьяццале Рома до Сан-Марко нужно ещё плыть на вапоретто.

— На вапо... чём?

— На вапоретто, речном трамвае. Наземного-то транспорта в Венеции нет.

— А почему не на гондоле? Глазова вон мечтала о ней.

— Мечтать не вредно! В копеечку ей влетит! Дерут с проезжающих! Причём песен гондольеры уже не поют, включают плеер. Да и что такое гондола? Прогулочная лодка однодёсельная. Замучаешься на ней до пристани Сан-Марко плыть.

— А как же встреча с представителем оргкомитета на ланче? — спросил я, думая тем временем об ином: зачем мне избегать рисков, если я, быть может, здесь именно затем, чтобы оказаться в шкуре пропавших в Южноморске этрускологов и понять, что же с ними случилось? Какой смысл мне отказываться и торчать в отеле до утра?

Колубакин пожал плечами:

— А вам нужна эта встреча? Или, быть может, ланч? Такой, как здесь, мы и в Венеции купим, и отдадим недорого.

Допустим, оставшись, я избегну чего-то нехорошего, но разве я попал сюда, в зазеркалье “Аквариума”, от хорошей жизни? Если замаячит угроза смерти, как в первом самолёте сегодня, снова взмолюсь “Да воскреснет Бог...”, и авось пронесёт. Я отчего-то понимал, хотя мне этого никто не говорил, что молитва против бесов будет помогать не во всяких, а только в критических ситуациях.

— Ну, ладно, поехали. Это взять? — я указал на бутылку из “Дьюти фри”.

— О, “Баллантайнс”! Берите, если не жалко, не помешает. Это пропуск в любое общество. Здесь виски почти такой же дорогой, как в России. Все эти тёрки про свободный рынок товаров в Евросоюзе — полная туфта и развод лохов. Винодельческие страны всеми силами не допускают к себе напитки конкурентов. В алкомаркетах — единицы неитальянских брендов, и всё по офигенным ценам.

* * *

После Местре, оказавшегося разновидностью Химок, я уже думал, что Венеции, увиденной мной мельком в иллюминаторе самолёта, на самом деле не существует. Ну, сверху-то, да, — купола, колокольни, башни, а, небось, подъедешь поближе, и снова повылезут заборы, ангары, офисы... Но, когда пассажирский катер, он же вапоретто, отвалил, шиплю подвывая движком, от вокзальной пристани и нырнул под арочный мост, навстречу выскочила, как из подворотни, Венеция, с резными глазастыми палаццо, стоявшими пле-

чом к плечу по колени в воде. Конечно, на самом деле они стояли вровень с водой, но отсутствие набережной создавало впечатление тонущего города, что и сделало Венецию знаменитой. Парадные двери разноцветных домов выходили прямо на воду — точнее, на маленькие причалы перед дверьми, но издали эти мостки были незаметны. С первых этажей почти всех зданий напроць осыпалась штукатурка — и вряд ли от небрежения, сказывалась убийственная влажность. Деревья здесь росли на крышах в кадках, потому что на узких улочках вдоль палаццо и десяти лишних сантиметров не имелось для зелени. Город существовал, как единое тело, в котором ничего не стояло и не лежало вразброс, одно непременно цеплялось за другое, — дугвыми мостиками, перекинутыми через улочки-каналы, каменными лесенками, карабкающимися с уровня на уровень, верёвками с бельём, протянутыми от дома к дому. Местре был управляемым хаосом индустриальной эпохи, Венеция — управляемой гармонией эпохи средневековой.

Я не знал, видел ли я настоящую Венецию или её кинематографический образ, транслируемый “Аквариумом”, но посмотреть в любом случае стоило. Пусть, пусть это нечто вроде кремлёвского пира в честь Ходжи, но я вживую слышал отдающий болотом запах местной воды (вовсе, кстати, не отталкивающий), видел, как мимо нас меланхолично плывёт экскаватор на барже, как солнце отсвечивает на лаковом боку встречной гондолы, как гондольер падает всем телом на умело направленное весло...

— Вот вам будет интересно, коли уж вы придерживаетесь версии, что веныты — это праславяне, — сказал мне Колюбакин, исполняющий роль гида (между тем, я ему не говорил, что придерживаюсь такой версии). — Знаете, что в этом пейзаже — самое славянское?

— Купола храмов?

— Ну, купола, они и в Риме купола. Нет, это приколы.

— В смысле — шутки, розыгрыши? Вы имеете в виду венецианский юмор?

— Я имею в виду выражение “поставить на приколы”. Видите эти причальные столбики для гондол, торчащие из воды? Венеции ещё не было, а они уже были — у рыбаков на островах лагуны. Знаете, как они называются по-местному? “Брикола”. Почти что “приколы”, не так ли? Запишите, дарю!

— Да я и так запомню, спасибо! Точно, точно, видел я похожие приколы на Русском Севере!

— Да они и у нас под Южноморском у лодочников есть. Везде в России есть, где имеются вода и лодки. Кстати, о венытах. На футболке у нашей соседки написано: “Siamo Veneti”, “Мы веныты”.

— Скажите ей, что мы тоже веныты.

Дмитрий Евстигнеевич повернулся к полногрудой венытке.

— Questo signore dalla Russia dice che anche i russi sono Veneti.

— О! — расплылась в улыбке та. — È fantastico! Veneti ha' creato una civiltà europea!

— Переводить не надо, понятно: мы создали европейскую цивилизацию, — сказал я и провозгласил: — Да здравствуют веныты всего мира! Long live the Venets of the world!

— Venezia per i Veneti! Il Veneto non è Italia! La patria degli antichi Veneti è l'indipendenza! — закричал в ответ парень с наброшенным на плечи алозолотистым флагом, который доселе спокойно стоял у борта.

— Венеция для венытов! Венето не Италия! Родине древних венытов — независимость! — перевёл Колюбакин.

— А вот у нас националисты прежде, чем заявить: “Москва для москвичей!” — говорят: “Россия для русских!” — заметил я. — Это несколько иное логическое построение.

— Но: “Хватит кормить Кавказ!” — они тоже говорят. А для этих Кавказ — Рим и всё, что южнее.

— А я-то думал — южнее Неаполя.

— Неаполитанцы для них — почти как негры. А римляне, ну... как, простите, чурки.

Перед нами вырос на повороте знакомый по фотографиям треугольный крытый мост с аркадой. Стригунов и Глазова нацелили на него свои смартфоны. Наш чичероне натренированно прокомментировал:

— Мост Риальто, построенный архитектором Антонио де Понте в тысяча пятьсот девяносто первом году на месте первого деревянного моста в Венеции.

Когда мы проплыли под его здоровенным пролётом, на одном из домов левого берега, над кафе, увидели транспарант: “No mafia Venezia e’ sacra”.

— “Нет мафии в Венеции священной”, — легко перевёл я. — Правильно? А что, в Венеции — проблема с мафией?

— А где в Италии нет такой проблемы? — усмехнулся Дмитрий Евстигнеевич. — Мафия невидима, но она везде. Поэтому здесь и не любят южан.

— А мафия пришла сюда с юга? Из Сицилии, Неаполя?

— Естественно, — ответила за Колюбакина Лилу. — Наша тоже пришла с юга. Где юг — там и мафия, а где север — там работяги.

— Ну, примерно так здесь и говорят. И спрашивают: зачем нам кормить мафию?

Вапоретто боком швартовался у пристани. При виде многочисленных лавочек за ней глаза Ольги Витальевны заблестели.

— А мы не сойдём посмотреть этот красивый мост? — вкрадчиво поинтересовалась она.

Колюбакин засмеялся:

— Легко сойти с дамой на Риальто, но нелегко выйти. Не волнуйтесь, на Сан-Марко тоже полно торговцев.

— Они и дерут, небось, на вашем Сан-Марко.

— Дерут они примерно везде одинаково. Но можно поторговаться.

— Просто на Сан-Марко ларёчники вам платят процент за приведённого клиента, а здесь нет, — предположила раздосадованная Лилу. — Что я, вас не знаю?

— Ольга Витальевна! — укоризненно пробасил ректор.

Дмитрия Евстигнеевича покорило от слов Глазовой.

— Что вы такое говорите? — возмутился он. — Когда это и с кого я брал проценты?

— А вот вы в университет приводили к нам торговца мёдом, якобы вашего родственника. Я потом из окна видела, как он во дворе отдавал вам деньги. Мёд, кстати, оказался палёный.

— Ольга Витальевна, никакого родственника с мёдом я в университет никогда не приводил, — твёрдо заявил Колюбакин. — Вы меня с кем-то спутали.

— Это всё болотные видения, — сказал я на ухо Лилу. — Родственника приводил другой Колюбакин.

Она нахмурилась и передёрнула плечами.

— Холодно здесь. У нас в Южноморске теплее.

— Ничего не теплее, — возразил уязвлённый Дмитрий Евстигнеевич. — Венеция и Южноморск примерно на одной широте. Это от воды тянет холодом. Вы вон вырядились, как летом, а ещё даже не май. На меня не смотрите, я, считай, местный.

Лилу и впрямь была сильно декольтирована, а юбочка её, тесно, словно шорты, облепившая персиковой округлости чресла, едва выглядывала из-за нижнего края сиреневого жакета. Блики света от воды играли на её холёных белых ляжках, и туда же украдкой, а то и не украдкой, направлялись взгляды итальянских мужиков.

— Красота требует жертв, — хрюкнул Павел Трофимович.

— Конечно, не буду же я одеваться в мятые тряпки, как местные носатые бабы, — отпарировала Глазова. — Эти геи-кутюрье нарочно придумывают женщинам уродливые наряды, а те им верят, как дуры. Чего они своим голубеньким не шьют такую же мешковатую дрянь, как женщинам? Нет, там всё в обтяжку, попы подчёркнуты...

Стригунов захохотал.

— Здесь не принято вести такие разговоры, — пробормотал Колобакин. — Подвергнут остракизму за нетолерантность.

— Конечно, подвергнут! Гомосеки вас ещё не так построят! Будете платить налог за традиционную ориентацию!

— А вот взгляните направо, на четырёхэтажное палатко в излучине Канала, — поспешил сменить тему Колобакин, указывая на готическое здание со стрельчатыми окнами и арками галерей. — Это и есть главный корпус нашего университета. Дворец построен дожем Франческо Фоскари в тысяча четыреста пятьдесят втором году, но прожил он в нём всего неделю.

— А что так? — поинтересовался ректор.

— Инсульт. Он случился после того, как интригами врагов престарелый Фоскари был отстранён от власти в тысяча четыреста пятьдесят седьмом году.

— Я вот тоже иногда думаю, не хватил бы кондратий, когда “доброхоты” насылают проверки, — задумчиво молвил Стригунов.

Мы с Лилу переглянулись.

— И вот так постоянно, — шепнул я ей. — Вокруг летают смутные намёки на то, что я видел в Южноморске. Вы заметили, например, как “Хилтон” в Местре похож на ваш “Аквариум”? Кстати, есть предположение, что этрусколов, которые в моей реальности исчезли в Южноморске, тоже после заселения повезли на экскурсию...

— Так что же вы молчали? — растерянно спросила она.

— А когда я мог вам сказать? Прибежал этот Колобакин: машина уходит, ни на чём другом сегодня не доедете...

— О чём это вы всё время шепчетесь? — как бы в шутку, но не без подозрительности осведомился Стригунов. — У вас что, интрижка намечается?

— Берите выше: плетём козни, — ответил я, улыбаясь. — Мы же в Венеции.

— Надеюсь, не против меня?

— И не надейтесь. Хорошо, если яду в бокал не подсыплем. А вы что, ревнуете Ольгу Витальевну, Павел Трофимович?

— Что значит — ревную? — несколько смутился тот. — Какая может быть ревность? Я ректор, она — моя помощница, мы в заграничной командировке...

— Но Ольга Витальевна делегат конгресса?

— Конечно!

— Почему же мы как участники конгресса не можем переговорить тет-а-тет на профессиональные темы? — Мне не нравилась перспектива того, что он, ревнуя молодую любовницу, не даст мне возможности общаться с ней — единственным человеком, догадывающимся о тайне “болота”.

— Нет, ну на профессиональные — ради Бога... Только что же о них секретничать, мы бы тоже с интересом послушали.

— Извольте: молодая жена старого дожа Марино Фальеро слишком много внимания уделяла любовнику, о чём один патриций не преминул оповестить дожа в форме оскорбительного стихка. Дело было, когда они все плыли в гондоле, — возможно, по этому же каналу. Фальеро захотел наказать наглеца; сенат отказал. Тогда дож восстал против сената, но проиграл и в итоге лишился головы.

Ректор растерянно смотрел на меня, явно не понимая, шучу я или всерьёз.

— Да, есть такой сюжет четырнадцатого века, — подтвердил Колобакин. — На него ещё писали Байрон и Гофман. И композитор Доницетти.

— И Пушкин было начал: “Ночь светла; в небесном поле...” — да не завершил.

— И вы это рассказывали Ольге Витальевне? — усомнился Стригунов. — В чём же здесь смысл?

— Вот видите: а вы говорите, что надо вещать сразу *граду и миру*, а не кому-то тет-а-тет. Но *град* и *мир* требуют смыслов. А до них ещё надо добираться. Как вы считаете, Павел Трофимович: может быть, старому дожу не стоило обращать внимание на эти стихки?

Стригунов насушился: намёк, похоже, он понял.

Мы уже приближались к устью Большого канала, как вдруг в его створ выплыло нечто невиданное. Поначалу мне показалось, что это движется по воде многоэтажный дом, как давеча экскаватор на барже. Он закрыл своей белоснежной громадой даже величественный собор на противоположном острове. Мгновение спустя мы поняли, что это восьмипалубный круизный лайнер, медленно идущий пересекающимся курсом.

— Господи, вот левиафан! — воскликнул я. — “Титаник” отдыхает! Где же, у какого прикола это чудовище хочет швартоваться?

— А в Станционе Мариттима, неподалёку от Площади Рима, там специальный терминал для них, — объяснил Колобакин. — Если бы мы плыли по внешней акватории, то увидели бы в Санта-Кроче целое стойбище таких левиафанов. Туристы живут в них, как в отеле. Да они и есть плавучие отели: видите, при каютах имеются даже лоджии с шезлонгами.

— Вот это жизнь! — вздохнула Лилу. — Не то, что у нас, в “Альвери” этом, у черта на куличках, со шкафами нараспашку.

— Да ведь “Альвери” тоже корабль, только сухопутный, — засмеялся я. — Кстати, у меня на “корме” и лоджия с шезлонгами есть, довольно большая.

— Это у вас. А у меня в одноместном только выход на общий балкон и никаких шезлонгов.

— Ну, приходите ко мне, шезлонг в вашем распоряжении, — предложил я и, заметив быстрый косой взгляд Стригунова, добавил: — Побеседуем на профессиональные темы.

Глазова прыснула.

Пропустив левиафана, вапоретто вышел из Канала и лёг на новый курс.

— Посмотрите налево, — простёр длань над морем Дмитрий Евстигневич. — Перед нами — Палаццо Дукале, Дворец Дожей, венецианские столпы, собор Сан-Марко, знаменитая стометровая колокольня и, конечно, площадь Сан-Марко. А за Дворцом, между прочим, начинается Рива дельи Скьявони, что можно перевести как Славянская набережная. Почему она так называется, никто уже теперь толком не знает. Как вы полагаете, Борис Сергеевич, можно ли, вслед за “бриколами”, считать это Скьявони свидетельством славянского влияния в Венеции?

— Слово “Венеция” тоже, мне кажется, из этого же ряда. А как будут славяне по-итальянски?

— Slavi.

— Вот видите, а здесь “скьявони”, то есть склавины. Так славян называли в византийских источниках седьмого—десятого веков. Это как раз время образования Венеции. А в более поздние времена набережную назвали бы Рива дельи Слави.

— Неплохо вы сымпровизировали! На этом конгрессе вы положите всех на лопатки!

— Историков не положишь на лопатки. Они скользкие софисты и быстро докажут вам, что собственным ушам и глазам верить не надо.

* * *

— Если вы суеверны, не советую проходить между этими колоннами, — Колобакин указал на два монолитных гранитных столпа на набережной — святого Марка и святого Теодора. — Считается дурной приметой. На этом месте некогда казнили людей, причём ставили их лицом во-он к тем часам, напротив, на башне Оролоджо, чтобы приговорённые видели, как бегут последние минуты их жизни.

Мы не стали искушать судьбу, — впрочем, не только мы: никто из толпившихся у колонн туристов, как я заметил, не пересекал невидимую линию между ними. Гиды трудились на славу.

— А что это за святой Теодор? — поинтересовался я.

— По-нашему — святой великомученик воин Феодор Тирон. Кроме Венеции, нигде в католическом мире не почитается. Он считался главным

духовным покровителем города до того, как в девятом веке купцы Буоно и Рустико похитили в Александрии и привезли сюда мощи апостола Марка. Статуя наверху колонны, конечно, не святого Феодора: взяли торс скульптуры неизвестного римского полководца второго века, а голову — Митридата VI Понтийского, правившего Боспорским царством в первом веке до нашей эры. — Колобакин хмыкнул: — Скрестили — и вот вам Феодор Тирон.

— Да ничего, он похож на наш иконописный образ. Копье так же держит. А голова-то, стало быть, наша, керченская! — отметил я.

— Ну да! А крылатый лев на колонне святого Марка ничего не напоминает? Например, символику Боспорского царства — грифон с телом льва и головой орла? Такой, между прочим, есть и в этом соборе на мозаичном полу.

— И на гербе Крыма тоже. А венецианцы долго были православными?

— Считается, что максимум до одиннадцатого века, — ну, наверное, до разделения церквей. Точных сведений нет. Они ведь и в религиозном плане всегда держались наособицу — и от Константинополя, и от Рима. Например, глава местной католической епархии до сих пор именуется не кардиналом, а патриархом.

— А я смотрю, Дмитрий Евстигнеевич, вы здесь-то придерживаетесь официальной хронологии, а в Южноморске студентам фоменковскую пропагандировали. Выходит, в ней далеко не уедешь?

Колобакин насторожился.

— А вы что же — посещали в Южноморске мои лекции?

— Ну, не посещал, а услышал случайно из-за дверей.

— Видите ли, я одно время здесь туристов из СНГ водил в качестве гида, а для этой работы альтернативная хронология не очень подходит.

— Как выяснилось, она ни для чего не подходит, — усмехнулся я. — Ну что — идём в собор?

— Сейчас? — удивился Дмитрий Евстигнеевич. — Когда там такая движуха? — Он указал на шумящую, но скрытую от нас массивной колокольней святого Марка площадь. — Да в базилику же всё равно экскурсия у вас будет.

— Действительно, — поддержал его ректор, — народные гуляния только сегодня, а в церковь мы попадём и завтра.

Однако опыт предыдущих путешествий говорил мне: надо заходить туда, куда очень хочется, при первой же возможности, поскольку потом такой возможности может и не появиться, несмотря на все обещания.

— Нет, я сейчас в собор, простите, — определился я. — Вон и очередь небольшая. А завтра, скажем, может быть большая. Или храм закроют на санитарный день. Да мало ли! Не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. А вы, если не хотите, идите к народу на площадь, только давайте договоримся, где встретимся.

— Ну... давайте под Часовой башней, — неохотно предложил Дмитрий Евстигнеевич, указывая в сторону башни Оролоджо с часами, на синем циферблате которых паслись кружком золотые знаки зодиака.

Я засмеялся.

— Между колонн вы боитесь проходить, а под роковыми часами можно?

Колобакин криво улыбнулся:

— Примета вообще-то связана только с колоннами, но, действительно... Ладно, забьём стрелку под кампанилой, но не здесь, у портика, где многовато туристов, а с другой стороны.

— Кампанила — это колокольня?

— Ну да. От "кампаны" — колокола.

— Позвоните мне на мой номер, чтобы ваш у меня отпечатался.

— Хорошо, давайте телефон, но имейте в виду, что мой оператор итальянский, и соединение вам станет в двести рублей.

— Ну, это как водится.

Приняв от него звонок, я помахал им рукой и пошёл занимать очередь на вход в собор.

Конечно, несмотря на все затейливые прибабасы вроде надстроенных готических башенок и конной квадриги над портиком, это был типичный

византийский храм — пятиглавый, с пятью же величественными порталами, вытянутый по фасаду, с несколько бочкообразными куполами. Он напоминал не Константинопольскую Софию, а Софию Киевскую. Этот тип собора, многокупольный, известный ещё в первые века христианства, особенно в Византии, впоследствии закрепился только на Руси, а здесь, в Европе, казался чужаком.

Я вошёл под древние прохладные своды. В полумраке, рассеивающемся под куполами, сияло в вечности соборного воздуха золото мозаик и росписей. На крепких плечах тысячелетних арок покоились уходящие ввысь мраморные галереи. Как всегда в подобных музейных храмах, всё немаленькое пространство базилики было хитроумно затянуто бархатными канатами, и народу приходилось двигаться узковатым правым нефом. Далеко впереди, на алтарной апсиде, восседал Господь Вседержитель с греческими буквами над ним: “ΙC ΧC”. И тут, словно в унисон моим мыслям о наследии Византии, до меня донеслось протяжное пение, несомненно, православное, хотя и не русского распева — греческого, скорее. Но кто это поёт? Где? У мраморной алтарной преграды, делящей храм почти наполовину, никого не было, да и не пускали туда. Я подошёл как можно ближе к канатам, прищурился. Там, за колоннами пресвитерия, увидел я людей перед каменной сенью, они-то и пели. Как же они туда попали? Я обошёл справа алтарную преграду со статуями Иисуса Христа, Богородицы и двенадцати апостолов, поднялся по ступенькам в заворачивающий налево коридорчик, миновал его без преград и оказался прямо в алтаре. Здесь я сразу понял, что длинный престол под сенью на тёмных резных колоннах и есть гробница Евангелиста Марка. Стройный молодой священник в чёрном подряснике, стоящий на ступенях, пел вовсе не на греческом, а на церковнославянском: “Тако да погибнут грешници от Лица Божия, а праведници да возвеселятся”. Пасхальное песнопение! Поскольку батюшка произносил “е” как “э”: не “грешницы”, а “грэшницы”, не “возвеселятся”, а “возвэселятся”, я решил, что он серб или болгарин. За ним стояла группа молодых парней с рюкзачками. Православные лица, светлые, осмысленные, ни с какими другими не спутаешь. Я встал рядом, осенил себя крестным знамением.

Никогда не испытывал особых иллюзий насчёт “православного единства”, но разве не чудо, что мы, православные из разных стран, оказались в один день и час в бывшем византийском храме в Венеции и молимся сейчас вместе на понятном друг другу языке? Ладно, это совпадение, а как оценивать другое совпадение, мысль о котором только что пришла мне в голову: в начале этого Пасхального гимна есть те же слова, что и в молитве против бесов, написанной мне отцом Константином: “Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...”? Прихоть “Аквариума”? Но прихоть весьма показательная: здесь, в реальности номер три, Пасха тоже была несколько дней назад, как и в моей первой реальности. Иначе бы священник не пел Пасхального гимна. Отсюда можно сделать вывод, что события в лабиринте разные, а происходят в одно и то же время. Неясно только с “филологическим пиром” в Кремле. Хотя... ведь он тоже мог состояться 25 апреля, после Пасхи, — только году в 1947-м. Допустим, вечность “Аквариума” вертикальна — как некая игла, протыкающая календарные листочки с надписью “25 апреля”...

Между тем, священник закончил, приложился к гробнице, а за ним и мы. После я подошёл к нему под благословение:

— Христос Воскресе!

— Навистина Той воскресна! Бог да ѿа благослови! Во името на Отецот и Синот и Светиот Дух!

— Я из России, батюшка, зовут Борис. А откуда вы, можно спросить?

— Од Македония! Отец Константин!

Я раскрыл рот, да так и остался на месте. Священник с некоторым недоумением посмотрел на меня, улыбнулся и повёл своих молодых паломников дальше.

Сзади меня кто-то подёргал за рукав. Я обернулся — пожилая тётя с бейджиком.

— Signore, qui non si può più stare!

Я развёл руками:

— I do not understand, — не понимаю, дескать.

Тогда она повторила на ломаном английском:

— Mister, you can't stand here anymore!

Ага, нельзя больше здесь стоять. Понятно, спасибо и на том, что допустили сюда, — может, по недосмотру. Но, очевидно, по предусмотренному кем-то или чем-то недосмотру: иначе как объяснить появление в Венеции нового отца Константина?

Я вернулся боковым коридорчиком в правый неф. Чувствовал я себя так, словно шёл не по мозаичным плитам пола, а по невидимой тверди зеркального зала “Аквариума”, где на каждом шагу поджидают ловушки. Шаг влево, шаг вправо...

И тут я столкнулся нос к носу с Глазовой, открытый наряд которой смотрелся довольно вызывающе для храма. В руке у неё был сиреневый кружевной зонтик от солнца.

— Ольга Витальевна! А вы как здесь? Вы же на площадь пошли с Колубакиным и ректором!

— Я передумала. Надо бы нам поговорить. Другого случая, думаю, сегодня не представится.

— Может быть. Отойдём в сторонку. А вы, я вижу, зонтик прикупили?

— Да, тут, рядом. Араб скинул три евро.

Мы отошли к боковой соборной кафедре, вознесённой на высоту галереи, и там я вкратце рассказал ей всё, не вдаваясь в подробности разговоров с отцом Константином.

Лилу задумчиво выслушала, глядя себе под ноги в сиреневых туфлях-шпильках.

— Вы не считаете, что это бред? — поинтересовался я.

— Бред? Я в Южноморске подобных историй, знаете, сколько наслушалась и насмотрелась? В детстве-то я думала, что это обычные страшилки, а потом оказалось, что в них и взрослые верят, только уже никому об этом не говорят. Но бывает, что заплутавший в “болоте” — вовсе не человек. Можно вас потрогать? — Она взяла меня за локоть, сжала. — Нет, вы определённо человек.

— Ну, спасибо! Хоть что-то! Осталось выяснить, человек ли вы.

— Проверьте, — она сунула мне длинную узкую кисть в золотых кольцах.

Я пожал — рука как рука.

— Есть ещё один способ. — Она достала из сумочки пудреницу, открыла её и направила на меня зеркало: — Отражаетесь. — Потом повернула зеркальце к себе. — Я тоже отражаюсь, видите?

— И что дальше?

— Вот это я и хотела у вас спросить, как у человека, побывавшего внутри “болота”: что, по-вашему, будет дальше?

— Я не очень хорошо знаю “Аквариум”, хотя и брожу по его зеркалам. Но вот что я понял: ходы в лабиринте порой похожи на предыдущие, но они на самом деле другие. Как только ты по мнимой подсказке “Аквариума” попытаешься предугадать развитие событий, они тотчас начнут развиваться иначе. Однако из этого ошибочно делать вывод, что новое событие будет прямой противоположностью прежнего. “Аквариум” не любит ни прямой логики, ни парадоксальной. Он предпочитает что-то среднее, следуя какой-то своей особой логике.

— Ничего не поняла.

— Да я и сам-то... Скажем, южноморская история позволяет предположить, что мы исчезнем, как этрускологи: ведь они, наверное, тоже вышли из отеля вскоре после регистрации. У нас имеется и свой Хачериди — Колубакин. Но есть в этой параллели какая-то несоразмерность: этрускологов было сорок девять человек плюс Хачериди, а нас четверо. Наше исчезновение станет серьёзной проблемой, однако, согласитесь, не такой серьёзной, как исчезновение пятидесяти. Логичней допустить, что с нами будет то, что

и со мной в Южноморске, — то есть, мы-то как раз не исчезнем. Но это по нашей логике, а здесь, как я говорил, действует иная. С нами случится ни то и ни другое, а что-то третье. Только мы нипочём не предугадаем, что. Здесь не День сурка, а День “Аквариума”. Помните, я вам говорил, что пропавший Киров оказался в зазеркалье один? Значит, этрускологи исчезли по одному, а не скопом? Если вас интересует, как себя вести в этих обстоятельствах, то я не знаю.

— Помню я этих итальянских этрускологов у нас в университете. Только в моей жизни они приезжали вовсе не на конференцию, а по научному обмену. Благополучно приехали, благополучно уехали. Этот вариант учитывается?

— Думаю, любой учитывается. И обыгрывается. Но вы ошибаетесь, если видите свою жизнь обособленной от “Аквариума”. Иначе как бы вы наяву разговаривали со мной, прибывшим из другой реальности? Мне кажется, ещё требуется доказать, где находится настоящая Ольга Витальевна Глазова — здесь, в Южноморске, где мы встречались, или в каком-то ином месте.

— А вы уверены, что настоящий Борис Сергеевич Лосев — это тот, кто был в Южноморске?

— Более или менее. Я попал к вам в результате пережитой мной цепочки событий, отсутствующей здесь. Например, меня не приглашали на этот конгресс, а на конференцию этрускологов — приглашали.

— А меня приглашали именно сюда, — ну, не без помощи Стригунова, как вы понимаете. А вот ни о какой конференции этрускологов в нашем городе я слыхом не слыхивала. Даже в проекте. И почему вы считаете, что всё исходит от “Аквариума”? Такие люди, как вы, появлялись или исчезали в Южноморске задолго до строительства этого “Аквариума”.

— Ну, не знаю. Когда не было “Аквариума”, всё, наверное, исходило от второго городского кладбища. Или ещё откуда-то. Это же всё условность. Назовите её, как хотите, тем же “болотом”, — что от этого меняется? В моей истории все нити сходятся в “Аквариуме”. И живые зеркала, между прочим, были именно там.

— Вот по поводу зеркал я ещё хотела спросить. А нельзя ли нам, в случае чего, слинять через них?

— Здесь пока мне не встречались проницаемые зеркала.

— А вы что — каждое пробовали?

— Нет, конечно. Но по живым такая мелкая рябь проходит, едва заметная. И появляются они в самый неожиданный момент. Иногда, вероятно, вовремя, но вообще, я уже не уверен, что зеркала — это выход. В прежнюю жизнь, что была до исчезновений, они не возвращают. Или надо долго искать в зале “Аквариума” нужное зеркало. А там знаете, сколько зеркал! Однако, пойдёмте, наверное, на площадь, чтобы Колобакин со Стригуновым не потеряли нас.

Она кивнула.

Мы вышли из собора на площадь Сан-Марко. Вряд ли она была самой большой в мире, но сейчас, на контрасте с архитектурной скученностью вдоль Большого канала, показалась огромной. Обведённая с трёх сторон сплошной колоннадой дворцов, Пьяцца Сан-Марко вся переливалась алыми и синими хвостатыми стягами с золотыми венецианскими львами на них. Итальянский же триколор был всего один — на флагштоке перед собором, по соседству с флагами Евросоюза и региона Венето. Далеко, на противоположной стороне, у палатцо с надписью “Museo Correr” рабочие устраивали сцену. Людей заметно прибавилось с тех пор, как мы высадились на пристани. Нам пришлось потолкаться, обходя здоровенную кампанилу, которая только издали смотрелась, как карандаш. Мужчины оглядывались на голоногую Лилу, а она, ощущая их взгляды, ещё выше поднимала плечи, подчёркивая грудь. Женщина есть женщина — в любой ситуации! В “кармане” за башней было псовободней, но ни Колобакина, ни Стригунова мы там не увидели.

Мы постояли, посмотрели по сторонам. Левая часть площади шумела и бурлила. Там, впереди, кто-то невидимый кричал что-то в мегафон, а что, Бог знает, — Колобакина не было, чтобы перевести. Среди венецианских

прапоров реял по ветру и “звездно-полосатый” флаг каталонских сепаратистов.

— Наши там, наверное, смотрят, — предположил я. — Пойдём и мы, потом вернёмся, если их не встретим.

Пробравшись в плотной толпе к эпицентру шума, мы увидели полдюжины карабинеров (в том числе одну женщину) с пластиковыми щитами. За ними валялся смятый транспарант. На полицейских яростно кричал в мегафон небритый человек в бейсболке. Публика выражала ему одобрение криками “Si!”, “Verità!” (“Да!”, “Правда!”) Похоже, здесь была попытка митинга, альтернативного тому действу, что готовилось у Музея Коррера, а полиция его пресекла. Многоголысячная толпа, если бы захотела, растоптала эту шестёрку в два счёта, но она, видимо, не хотела, предпочитая перебранку конфликту. Рах Italiana, Итальянский мир: много шума, а драки нету. На это, что ли, вёз нас посмотреть Колобакин? Глазова, собравшаяся поснимать гулянье на смартфон, тоже была разочарована:

— А где карнавал, костюмы, маски? Одни флаги! Это и есть праздник? Лучше бы я на Риальто вышла.

— Вон, смотрите, костюмы.

Справа, из арки Часовой башни, под барабанный бой выходил взвод построенных в две шеренги гвардейцев в сине-белых мундирах XVIII века. На плечах у них были кремневые ружья с примкнутыми штыками. Стюарды в оранжевых жилетах отодвигали толпу, расчищая им путь. За гвардейцами следовали человек девять венецианцев в костюмах исторических сословий и цехов: мужчины — в треуголках и полукафтаны, а дамы — в длинных сборчатых юбках, причём одна почему-то с кошёлкой. Солдаты промаршировали к сцене и выстроились по правую руку от неё, а ряженные встали под прямым углом к ним. На сцене, между тем, уже настраивали инструменты музыканты оркестра. Дирижёр взмахнул палочкой. Полилась музыка, и толстый певец во фраке, лица которого издали мы не различали, запел арию Марино Фальеро из оперы Доницетти.

Толпа, наседавшая на полицейских, отхлынула. Она редела буквально на глазах. Мятежные венеты, как море в час отлива, потекли к сцене. Даже каталонский флаг поплыл туда. Исчез и оратор с мегафоном. Карабинеры подняли валявшийся транспарант, свернули его и, посмеиваясь, неторопливо двинулись следом. Так завершился венецианский бунт, осмысленный и не беспощадный. Как водится у южан, победила любовь к музыке и зрелищам.

Мы же тем временем вернулись к подножию кампанилы. Колобакина и ректора по-прежнему не было. Очевидно, они пошли к сцене слушать Доницетти. Идти туда, толкаться совершенно не хотелось. Да и как в таком скопище людей их найти? Я достал телефон и нажал номер Колобакина. “Mi dispiace, il telefono del chiamante è disattivato o è fuori portata”, — ответил мне женский голос с интимной хрипотцой.

— “Дезактивато”, понятно, — пробормотал я.

Тогда Лилу набрала Стригунова.

— Длинные гудки, — сообщила она. — Он не берёт трубку, не слышит, наверное, из-за музыки. А, вот, взял! Павел Трофимович, алё! — Выслушав ответ, Глазова открыла рот. — Ничего не понимаю! Кто-то говорит по-итальянски! — Она включила громкую связь:

— Il proprietario del telefono è diventato male! — услышал я возбуждённый мужской голос. — E’ caduto e si trova incosciente! Sono un passante, ho cercato di aiutarlo! Da dove sta chiamando? Sei a Venezia?

— Кто вы? — растерянно спрашивала Ольга. — Почему у вас этот телефон? Вы говорите по-английски? Why... э-э-э... do you have this phone? Do you speak English? “No”? Послушайте!.. Блин, отключился. У Стригунова что, телефон украли в толпе?

— “Мале” — это “плохо”, — соображал я, напряженно извлекая из своей памяти всё, что знал итальянского. — А перед “мале” было “телефоно”. “Хозяину телефона стало плохо”? “Пассанте” — “прохожий”. “Я прохожий”? “Сэй а Венеция?” — “Вы в Венеции?”. Если Стригунову стало плохо, то, наверное, здесь, на Сан-Марко? А где Колобакин?

Мы стояли, озираясь, не зная, что делать. Я заглянул за угол колокольни и вдруг увидел на высвобожденной народом части площади, напротив собора, кучку размахивающих руками людей. Среди них выделялся чёрным мундиром и белой португесей карабинер.

— Похоже, нам туда, — сказал я Лилу. — Поедем!

Мы побежали к людям, стоящим кружком вокруг чего-то. Это что-то оказалось Стригуновым. Он лежал на спине, раскинув ноги, с багровым, как вымя, лицом. Опустившаяся перед ним на колени женщина нащупывала пульс на сонной артерии.

— Павел Трофимович! Что с вами?

Ректор не отвечал.

— Что с ним? Есть ли здесь доктор? What about him? Is there a doctor here? — кричал я.

— Sono un dottore, — сказала женщина, поднимаясь с колен. — A quanto pare, apoplexia cerebri.

— Apoplexia? Апоплексический удар? Инсульт?

— Sì. Credo di sì'.

Мне показалось, что меня самого сейчас хватит удар. Так, говоришь, “Аквариум” не любит повторяться?! Как только ты поверил в это, он сразу повторился, да ещё как, наотмашь! Стригунова, парализованного в Южноморске, я хотя бы не видел!

Лилу смотрела на меня страшными глазами, прижав руки ко рту, как будто это я валялся без сознания на площади, а не её любовник.

— Prendi il suo telefono. Sono stato io a rispondere alla chiamata. — Бородатый рыжеволосый мужчина протянул мне смартфон. А, очевидно, это он и разговаривал с Глазовой по нему.

Я схватил телефон.

— Как вызвать скорую? How to call an ambulance?

— Already called, it floats, — ответил по-английски молодой карабинер.

Уже плывёт? Ах, да, здесь же все службы плавучие. Но где же этот чертов Колобакин с его итальянским? Мой английский оставляет желать лучшего. Да и знают его здесь не все.

Я в тоске оглянулся и вдруг понял, что мы стоим аккуратно на прямой линии между часовой башней Оролоджо и столпами на набережной.

И ровно посередине.

* * *

Пожалуй, мои последующие ощущения можно сравнить с теми, что испытывает герой криминального фильма, которому нужно пройти через помещение, расчерченное сверху донизу красными лазерными нитями сигнализации. Только он видит эти нити, а я линии мистической геометрии “Аквариума” нет. Заноса ногу, чтобы сделать очередной шаг, мы с Лилу не могли быть уверены, что не вступим в заколдованный сектор. В мире “Аквариума” не было будущего, только настоящее, оборачивающееся прошлым. И кто мог поручиться, что, если бы мы раньше Стригунова пересекли роковую точку между колоннами и часовой башней на площади, с нами тоже не случилась какая-нибудь пакость?

Так и не пришедший в сознание Стригунов остался в Ospedale, в госпитале, с убийным диагнозом геморрагический инсульт. Хорошая новость была только одна: среди его документов нашли оформленную перед вылетом медстраховку. На первое время её хватит, а что будет дальше, мы не имели ни малейшего представления. Смартфон ректора включили в опись найденных при нём вещей и забрали, а у нас никаких телефонов организаторов конгресса не было, если не считать номера Колобакина, который по-прежнему был “è disattivato o è fuori portata”.

Старинной постройки госпиталь, своими закомарами напоминающий Успенский собор в Кремле, находился на противоположной от Сан-Марко стороне острова. Поэтому вапоретто, отчаливающие от пристани “Оспедале”, шли не по внутреннему Каналу, а по внешней акватории, огибая город с вос-

тока. Мы с Лилу молча сидели на лавочке в катере, измотанные трёхчасовым ожиданием в приёмном отделении. Томиться пришлось и здесь: нужная нам пристань, “Ферровиа”, то бишь ж/д вокзал, была в самом конце маршрута, и, казалось, мы туда никогда не приплывём. Над водами уже стемнело. Освещённый электричеством салон был почти пуст — народ, в основном, вышел в центре. Мы проплывали мимо портовой зоны с причалами военных кораблей слева и одинаковыми кирпичными пакгаузами справа. Это была уже не праздничная Венеция, а суровая, державная, как Питер в устье Невы. Море очистилось, навстречу нам не попадались уже ни вапоретто, ни моторки, ни буксиры. От воды поднимался туман. Мы бойко шли в сгущающихся сумерках, разгоняя волну, и тут, откуда ни возьмись, прямо из темноты, из воздуха, знакомое виденье надвинулось на нас справа, неотвратимое, как кошмар: белая стена лайнера с уходящими в немыслимую высоту ярусами этажей, — только близко, гораздо ближе, чем при выходе из Большого канала. Нос левиафана завис над нашим теплоходиком, точно исполинский айсберг. Завыла сирена вапоретто и тут же, в унисон ей, завизжали женщины, сидящие сзади. Исполин ответил тяжким, бегемотным гудком. Нас бросило влево, а палуба вапоретто встала дыбом: катер заложил крутой вираж, едва не черпя бортом волну. Лайнер же гудел, казалось, вовсе не сворачивая, — но, наверное, так только казалось, потому что этой машине резко отвернуть было труднее. Сокрушительный удар в наш правый борт представлялся неотвратимым, но в самый последний момент мы разминулись с носом гиганта буквально на метр. Разинув рты, мы безмолвно провожали взглядом это чудовище с освещёнными палубами, на которых не было ни души, — так, вероятно, глядят на пронёсшуюся мимо смерть. Теперь, когда мы обогнули лайнер, стала видна врезанная в остров Санта-Кроче длинная прямоугольная бухта, из которой, как из засады, он выплыл на нас. Здесь стояла на якоре ещё парочка жирных левиафанов. Это, наверное, и было их стойбище, Станционе Мариттима, упомянутое Колубакиным.

Тётки сзади трещали без умолку и крестились на свой папёжный лад. Лысый мужчина у окна по соседству ругался итальянским матом, судя по выражениям типа “порко мадонна”.

— Господи, добраться бы до гостиницы живыми! — прошептала Лилу, вцепившись в мою руку.

— А что нас ждёт в гостинице? — безрадостно отозвался я.

От причала к вокзалу Санта-Лючия мы шли, как по минному полю, отовсюду ожидая подвоха. В госпитале нам сказали, что добраться до улицы Паганелло мы можем, доехав на электричке до станции Порто-Маргерера, а там рукой подать. Платформу электрички мы нашли довольно легко, благодаря табло и удобному, широкому выходу к перронам. Однако заминка вышла с автоматом для покупки билетов, который принимал только карты или железные деньги, — ни того, ни другого у нас не было. Кассы, между тем, уже не работали. Чтобы взять такси, следовало топать через арочный мост Конституции на Площадь Рима. Тут я вспомнил, что ланча сегодня мы так и не отведали, и пошёл купил нам по куску пиццы, заодно и деньги поменял. Но возникла новая проблема: выяснилось, что не каждая электричка останавливается в этом Порто-Маргерера, а мы не могли понять, какие именно станции перечислены в расписании поездов — с остановкой или без. Нам помог разобраться проходивший мимо и услышавший русскую речь стеклодув из Мурано Эмилио, — так он представился, причём на вполне сносном русском языке. Оказалось, некогда у него была русская жена, а сам он десять лет прожил в Красноярске. Добрый Эмилио даже добавил нам какую-то мелочь, когда выяснилось, что наменанных железных денег всё же на два билета не хватает. На Лилу стеклодув, крупный блондин “лангобардского” типа, с голубыми глазами, тоже посматривал не без интереса, как и все мужики здесь, но она была настолько подавлена, что даже не прижала плечиков, по своему обыкновению.

— Глоток виски, земляк? — я протянул ему пакет с “Баллантайнсом”, который без толку таскал весь день, пока мы с Глазовой не приложились к нему после очередной встречи с левиафаном.

— Ну, если только капельку. — Сибиряк принял пакет и, не вынимая бутылки из него, по правилам местной конспирации, мощно заглотнул “капельку”.

— Сразу видно, наш человек, — сказал я.

Эмилио захохотал, вытирая бороду.

— Вы здесь таких “наших”, знаете, сколько найдёте? Мы пьющий народ. Эх, попил я недавно рому на Кубе!

— На Кубе? — удивился я. — А что вы там делали?

— Да сальсу учился танцевать. Хочу при каком-нибудь отеле школы бальных танцев открыть.

Я невольно посмотрел на немаленький живот Эмилио, а он, поймав мой взгляд, осклабился:

— Это ничего. В дорогих отелях как раз пузатые и живут. И они тоже хотят танцевать с молодыми дамами. Со мной им будет даже комфортнее.

В электричке мы ехали вместе — он жил где-то за Местре. Улицу Паганелло Эмилио знал и сказал, что надо сойти с платформы налево и идти по ходу поезда. Когда мы простились и вышли в тамбур, Лилу сказала:

— А так бывает, что в самый нужный момент мы встречаем человека, хорошо говорящего по-русски и даже имевшего русскую жену?

— Но он нам не сказал ничего такого об улице Паганелло, что бы нам не сказали в госпитале, — ответил я, полагая, что она намекает на всевозможные ловушки “болота”. — Отель действительно находится рядом с железной дорогой. Когда я в номере выходил на лоджию, то видел вдали станцию.

Платформа Порто-Маргера, на которой мы сошли, была совершенно пуста. Мы спустились в подземный переход, свернули налево, поднялись по ступенькам и оказались в какой-то технической зоне, где не было даже асфальтовой дорожки вдоль железнодорожного полотна. Единственный возможный путь из подземного перехода вёл в тёмные подворотни, петляющие между нежилых зданий без окон. Мы немного прошли, посмотрели, но углубляться в эту промзону не решились. За одним из длинющих складов просматривалось нечто, похожее на выезд для автотранспорта, но нам было сказано идти по ходу поезда, а тут получалось в обратную сторону.

— Спросить бы дорогу, — беспомощно оглянулся я. — Да у кого?

Мы ещё не встретили ни души с тех пор, как сошли с электрички.

— Действительно, “маргера” какая-то, — пробормотала Глазова. — А почему вы решили, что мы вышли на правильную сторону?

— Так Эмилио же сказал: с платформы налево.

— Если он имел в виду налево по ходу поезда, то надо было свернуть направо.

Столкновение с женской логикой всегда заводило меня в тупик. Спорить я не стал и предложил:

— А вы не “погуглите” этот “Альвери” по своему смартфону?

— Он разрядился.

— Эх, всё одно к одному! Знаете, когда я вышел на лоджию в номере, железная дорога была справа, а значит, налево от платформы мы пошли правильно. Но с балкона я видел также шоссе за линией, довольно оживлённое. Значит, там можно у кого-то спросить дорогу. Или поймать такси.

Мы вернулись в подземный переход и перешли на другую сторону железнодорожной линии. Миновав чахлый сквер, мы узрели, наконец, признаки цивилизации: тротуар с фонарями, многополосное шоссе, даже уличный указатель: “Via della Liberta”. А главное, здесь были люди. Наученный сегодняшним опытом не полагаться только на английский, я снова мобилизовал в своей памяти крохотные сведения об итальянском языке.

— Бона сэра! Комэ пассарэ... алла Виа Паганелло? Отель “Альвери”? — спросил я у двух идущих навстречу женщин.

Те переглянулись и покачали головами:

— Non conosciamo questa strada e questo hotel.

“Нон” — не знают, стало быть. Параллельной улицы не знают! Но ведь и в Химках многие люди не знают параллельных улиц.

Я обратился к следующему прохожему, молодому человеку, — уже по-английски:

— Бона сэра! Do you speak English?

— Buono sera! Yes!

— Как пройти на Виа Паганелло, до отеля “Альвери”?

— Я не знаю отеля “Альвери”, а на Виа Джузеппе Паганелло отсюда попасть нельзя, надо пройти вперёд до развязки километра полтора, там направо увидите мост над железной дорогой, перейдите по нему на другую сторону, на Виа ка’Марчелло, сверните направо и идите этой улицей, пока она не перейдёт в Виа Паганелло.

— Грацие!

Вот тебе и рукой подать! Я прикинул: полтора километра до моста, а потом наверняка полтора километра назад до отеля — выйдет все три.

— Будем ловить такси, — решил я.

Мы вышли на обочину и принялись голосовать. Точнее, сначала мы выглядывали жёлтые автомобили, “сити-тэкси”, а когда за пять минут не увидели ни единого, то стали махать руками всем. Машины равнодушно пролетали мимо, в том числе, и одно такси, — правда, с красным огоньком.

— Такси здесь берут пассажиров только со стоянок, — с видом знатока сообщила Лилу.

— Так, может, вы скажете, где ближайшая?

Она промолчала.

И тут перед нами тормознул чёрный “шевроле”. Жужжа, опустилось стекло переднего сиденья, и сидящий рядом с водителем носатый небритый господин с ухоженной щетиной спросил, оглядывая нас:

— Quanto vuoi per questa ragazza?

— Скузи, нон каписко итальяно, — пробормотал я. — Парла inglese?

— Yes, — несколько удивлённо сказал он. — Сутенёр в Италии, не понимающий по-итальянски, это что-то новое! Сколько стоит твоя девочка?

— Я не сутенёр, а она не проститутка, это моя коллега! — возмутился я.

— Хорошие у тебя коллеги, мужик! Завидую! Andiamo! — повернулся он к шоферу, “шевроле” фыркнул и укатил.

— Козёл! — бросила ему вслед Глазова.

— Естественно, козёл, да только что ему думать о декольтированной девushке с голыми ногами, голосующей на обочине? Колобакин прав: вы неудачно оделись. Да и похолодало уже: вы вон вся гусиной кожей покрылись. Думаю, во всех отношениях будет лучше так. — Я снял пиджак и накинул ей на плечи.

— Спасибо! — смутилась Лилу. — А как же вы сами-то — в одной рубашке?

— Буду согреваться изнутри. — Я открутил пробку с “Баллантайнса” и глотнул. — Ну что, похоже, судьба нам идти пешком?

И мы направились к предполагаемой развязке. Через некоторое время Ольга негромко сказала:

— Теперь они идут за нами. Только не оглядывайтесь!

— Кто идёт?

— Те трое, что стояли рядом на тротуаре, пока вы разговаривали с козлом из “шевроле”. Вот, посмотрите. — Она достала пудреницу из сумочки, открыла и протянула мне зеркальце.

Я осторожно поднял его на уровень плеча, глянул. В неверном свете фонарей трое рослых парней, все в чёрном, неторопливо следовали за нами на некотором расстоянии. Они не очень были похожи на людей, совершающих вечерний моцион.

— Давайте остановимся, как будто ищем дорогу, и посмотрим, остановятся ли они, — предложил я.

Мы остановились — и они остановились. Это уже было неприятно. Я вертел головой, изображая человека, ориентирующегося на местности, и краем глаза изучал их. Мешковатые джинсы, кеды, двое в ветровках, один в чёрном свитерке с белой надписью на груди, — я видел лишь часть её, что-то вроде “...neti”. Неужели — снова “Veneti”? Парни, лица которых в уличном

освещении мне рассмотреть хорошенько не удавалось, достали сигареты, вспыхнул огонёк зажигалки, осветивший испитую, угреватую физиономию одного из них. Тот, что был в свитерке, прикурив, повернулся корпусом ко мне, и я смог прочесть надпись полностью: “Solo Veneti” — “Только венеты” на этот раз. Нда, этот явно не поверит, что мы тоже венеты, как та девушка с вапоретто.

С того места, где мы стояли, была уже различима развязка впереди и часть дороги, сворачивающей направо, но дальше сгущалась тьма, потому что фонари горели только на Виа делла Либерта. Если где и удобно этим гошникам напасть на нас, то как раз там, по дороге к мосту. Можно, конечно, вернуться назад, к подземному переходу у станции, но там-то тоже темно и бесплодно. Позвонить в полицию? Но я не знаю номера. И тут мне в голову пришла идея:

— Коллюбакин, когда приходил ко мне в номер, сказал, что у отеля есть минивэн или, как здесь говорят, “шаттл”. Я на ресепшене взял карточку с адресом и телефоном “Альвери”. Надо позвонить и попросить прислать машину.

Я достал из нагрудного кармана пиджака, брошенного на плечи Лилу, карточку и отошёл к фонарю. Парни как-то дёрнулись, засуетились, но остались стоять на месте, видя, что мы не идём дальше.

Я набрал номер с карточки. Ответ последовал быстро:

— Hotel Alveri, buono sera!

— Добрый вечер, — по-английски начал я. — Вы меня понимаете?

— Да, сэр.

— Моя фамилия Лосев, я ваш гость из номера двести три. Мы с мисс Глазовой заблудились здесь у вас в окрестностях, не можем найти отель. Пришлите за нами ваш шаттл, пожалуйста.

— Где вы находитесь?

— На Виа делла Либерта, неподалёку от рекламного щита “Хуавэй” и коричневого паркинга.

— Я знаю это место. Но там поблизости нет разворота, машине потом придётся ехать почти до самой дамбы. Вы не могли бы дойти до станции Порто-Маргера и перейти подземным переходом на другую сторону?

Ага, тех же щей, да пожиже влей!

— Пусть до дамбы, мы заплатим. Мы устали и не можем больше идти.

— Хорошо, сэр. Через пять минут шаттл приедет. Стойте, пожалуйста, там же, у рекламного щита.

Я спрятал телефон и глотнул ещё из бутылки.

— Будем стоять здесь, на самом освещённом месте, и ждать шаттл, — сказал я Ольге. — Авось не осмелятся пристать.

Тёмная троица пребывала, по-видимому, в некотором недоумении относительно наших дальнейших действий. Они, переминаясь, бросали на нас нетерпеливые взгляды.

— Даже если они слышали разговор, то вряд ли понимают по-английски, — предположил я. — Но бережёного Бог бережёт. Давайте изображать влюблённых, как будто мы остановились поворковать.

Я обнял её тонкие плечи под моим пиджаком, а она положила голову мне на грудь. Я “интимно” шепнул ей:

— Если они всё-таки пойдут к нам, выбегаем на проезжую часть, чтобы выиграть время.

— Как это — выбегаем? Посмотрите, какое движение! Эти, может быть, нас и не убьют, а машины размажут по асфальту!

— Надо выбежать так, чтобы не размазали.

Гошникам, кажется, надоело ждать: они о чём-то негромко, но оживлённо заспорили, — скорее всего, о том, когда же начинать потрошить нас. Причём с пикантно выглядящей Глазовой дело могло не ограничиться грабёжом. От напряжения я стиснул зубы. Лилу пошевелилась под пиджаком и вполголоса поинтересовалась:

— Так, по-вашему, ведут себя влюблённые?

— Ну, а что нам — целоваться, что ли?

— Не знаю, ведь это вы придумали про влюблённых.

— Для влюблённого папика я веду себя нормально.

— А я? Как девушка из песни “Ромашки спрятались”? Пиджак сброшенный, и тому подобное? Вы вот так за своей женой ухаживали? А она та-яла под пиджаком?

— Улыбайтесь, улыбайтесь, Ольга Витальевна, мы воркуем!

Она ядовито улыбнулась.

И тут я увидел белый минивэн. Он ехал на малой скорости по правой стороне улицы. Наш он или не наш, я не знал, но замахал рукой. Парни вскинулись и быстрыми шагами направились к нам. Минивэн остановился.

— Бежим, пока есть просвет! — Я схватил Ольгу за руку.

Мы выскочили на шоссе, в слепящий свет проносащихся фар. Завизжали тормоза, заголосили истерично гудки. Мы петляли, как зайцы, между передними и задними бамперами отчаянно тормозящих, лавирующих автомобилей.

— Мой каблук! — кричала Лилу.

— Забудьте!

Водитель, вышедший из белого “форда”, то ли китаец, то ли кореец, с открытым ртом глядел на нас. Я добежал, наконец, с хромающей Глазовой на буксире, до минивэна и оглянулся. “Чёрные вены” не решились последовать нашему примеру, они стояли на обочине и показывали нам средние пальцы. Судя по энергично двигающимся губам, они ещё кричали что-то нелицеприятное в наш адрес, даже, может быть, нецензурное, а что, Бог знает, за шумом траффика не было слышно.

— Отель “Альвери”? — задыхаясь, спросил я у шофёра.

— Си!

— О’кей! Айм Лосев!

Я посадил Лилу в машину и запрыгнул следом.

— Вперёд! Аванти! Форца!

И мы поехали в сторону развязки перед дамбой. Водитель, по-азиатски невозмутимый, молчал. Лилу, огорчённо рассматривая туфлю со сломанной шпилькой, спросила:

— А нельзя ли было прочитать ту волшебную молитву, про которую вы рассказывали, а не соваться под колеса?

— Можно. И, допустим, она бы снова помогла. Но вот вопрос: я бы переместился один или с вами? И, если бы даже с вами, то где бы мы очутились? Я-то уже немного привык, а вы готовы к тому, что, может быть, никогда не вернётесь в привычную реальность?

— Как будто в этой меня ждёт что-то хорошее! Буду сидеть здесь у постели Стригунова, пока государство не расщедрится, чтобы перевезти его на родину. И это в лучшем случае. В худшем — пропаду в местном “болоте”. Вам-то какое дело до Павла Трофимовича? Сядете на самолёт и улетите, — не знаю уж, в какую реальность. А я его помощница.

“И только?” — подмывало спросить меня, но я удержался. Глазова отложила туфлю и вздохнула.

— Как вы думаете, — не глядя на меня, поинтересовалась она, — есть надежда, что Стригунов оклемается?

— Надежда всегда есть. Но, боюсь, это будет уже другой Стригунов.

— “Овощ”, что ли?

— Ну... вроде того. Впрочем, я не медик и хотел бы ошибиться.

Повернув налево перед мостом в Венецию, построенным Муссолини, мы покатали обратно мимо какой-то стоящей на воде невысокой крепости, напоминавшей кронштадтские укрепления, а дальше, за каналом, пошли лабиринты одинаковых улочек промзоны, какие у нас довольно точно называют проездами. Когда с одного из таких тёмных проездов под названием Via Torino мы свернули направо, то впереди показался, наконец, наш “утиг”. И, самое смешное, за ним в свете фонарей проступили сидухэты тех терминалов, между коих мы плутали, сойдя на Порто-Маргеры. Должно быть, тот выезд за длинным складом, до которого я поленился дойти, и приводил с другой стороны к отелю.

Я бы удивился, если бы увидел в “Альвери” того же портье, что встречал нас в полдень, но нет, всё было по законам моего изменчивого жанра: на ресепшене стоял другой человек, тоже монголоидного типа, как и водитель, молодой. На бейджике у него значилось: “Johnny”. Не меняя любезного выражения лица, он проводил взглядом Лилу в мужском пиджаке, которая со словом “Хай!” прошлёпала мимо него босиком, с туфлями в руках, к лобби и плюхнулась на красный диван.

— Спасибо за шаттл, — сказал я ему по-английски. — Вы нам очень помогли. А мистер Колобакин здесь не появлялся?

— We are always happy to help you. Всегда рады ваша помогать. Моя говорить по-русски, господин Лосев, — радостно сообщил Джонни.

— Отлично. Будем по-русски. Так господин Колобакин здесь был?

— Простите, кто есть господин Ко-Любак’н?

— Ну, наш координатор из университета Ка’ Фоскари. Вы его не знаете?

— Не знай такая, простите.

— А менеджер отеля ещё здесь?

— Нет, уехала домой.

— Так-так. А что, представитель университета приезжал на ланч?

— Не знай про ланч, — развёл руками портье. — У нас для клиентов есть только early breakfast, — завтрак, которая рано.

— Я имею в виду сегодняшний ланч для делегатов конгресса венетологов.

— Делегатов?.. Не понимай, сэр. Делегаты есть вы.

Дурное предчувствие всё больше овладевало мной.

— Да, конечно. Но здесь остались другие делегаты из России. Госпожа Голядкина, например. И должны были подъехать словенцы и итальянцы.

— Никто такой не приезжала. Вы приезжала. И ещё... э-э-э... господин Стригунов.

— Начинается! — сказал я через холл Лилу, прислушивавшейся с сощуренными глазами. — Сеанс чёрной магии без разоблачения. С одновременным исчезновением делегатов. Говорил я вам! Джонни, — снова обратился я к портье, — с нами вместе прибыли другие венетологи из России, ещё семь человек. Они сейчас в отеле?

— Семь человек? Таких не приезжал. Только ваша, три.

— Но они регистрировались вместе с нами. Ими занимался портье, которого вы сменили. Что с ним, кстати? Ведь это было его дежурство, как я понимаю?

От напряжения на верхней губе Джонни выступил пот.

— Да, сэр. Он заболела.

Я снова посмотрел в сторону Глазовой.

— Внезапно заболел, конечно же! Но завтра его уже никто не найдёт. Как и водителя микроавтобуса. Слушайте, Джонни, я стоял рядом с ним и видел, как он регистрирует наших коллег. Можно посмотреть ваш журнал?

Портье опустил глаза, подумал и повернул ко мне журнал. Только три фамилии стояли наверху страницы, с указанием паспортных данных:

“8. Pavel Strigunov, Russia, delegato al Congresso dei venetologi...”

9. Olga Glazova, Russia, delegato al Congresso dei venetologi...”

10. Boris Losev, Russia, delegato al Congresso dei venetologi...”

— Дайте и мне посмотреть. — Лилу сбросила с плеч пиджак и подошла к стойке. — Так... Ну, правильно: восемь, девять, десять. Это мы, delegato al Congresso dei venetologi. А где остальные семь? Покажите предыдущую страницу!

— Как, не понимай?

— Show the previous page, please! — продублировала она по-английски.

— Простите, я не имею права показывать exclusive information других гостей. Простите.

— Но это же наши коллеги, русские!

— Там больше русская никто нет. Delegato al Congresso нет уже никакой. Моя очень жаль.

Я достал телефон, чтобы найти в “Галерее” и показать Джонни фотографию российских участников у ресепшена. Но напрасно я искал. Её уже не было.

Проследив выражение моего лица, Ольга заявила:

— Надо звонить в полицию!

— Не торопитесь в ад, — сказал я ей на ухо. — Пойдём, поговорим.

— А потом не будет поздно?

— В полицию и ад никогда попасть не поздно. А нашими коллегами они всё равно первые сутки не будут заниматься, сосредоточатся на нас, как показывает опыт Южноморска. Так что не стоит высовываться

Я взял пиджак и вызвал лифт. Когда мы зашли в кабину, Лилу шепнула:

— Остановимся в втором, я помню несколько номеров, в которые наши заселялись.

— Будем стучать в каждый?

— Ну, естественно!

— Что ж, попробуем.

Мы вышли на втором этаже, стучались в двери, указанные Глазовой, но нам никто не открыл. Потом поднялись ко мне на третий.

— Думайте, что хотите, но я одна не останусь, буду ночевать у вас, — едва переступив порог, сообщила она. — Только вещи свои заберу.

— Пожалуйста, места хватит.

— Вы понимаете, почему я об этом прошу?

— Что ж тут непонятного — страшно.

— Страшно-то страшно, но мне нужно не просто быть в чём-то обществе, мне нужно быть с *вами*. Вас не трогают, вот в чём дело. Ещё когда вы ушли от нас в собор, меня охватило острое ощущение одиночества, хотя рядом были Стригунов и Колобакин. Поэтому я пошла вслед за вами, сказав им, что хочу пройтись по лавочкам.

— Да вы присаживайтесь. Сейчас я включу кондиционер, а то прохладно. Или вот ещё можно виски согреться.

— Давайте виски. Поесть бы чего-нибудь!

— С “поесть” сложнее. Хотя... вот в холодильнике есть орешки, чипсы.

При всём минимализме обстановки, в номере имелись и бокалы, и небольшая стеклянный столик, и два полукреслица. В мини-баре нашлась минеральная вода “Сан-Пеллегрино”.

Лилу глотнула немного виски, прикрыла глаза.

— Что мы будем делать? — через некоторое время спросила она.

— Я рассказывал вам, хотя и кратко, что было со мной в Южноморске после исчезновения этрускологов. И я знаю, что нам совершенно бесполезно думать о тех, кто исчез, нам важно думать о себе. Если у меня в Южноморске было столько проблем с правоохранителями, неужели вы полагаете, что в чужой стране, с чужой полицией их будет меньше? По мне, так их будет в разы больше. К тому же, насколько мне известно, здесь, в Венеции, нет нашего официального консульства, а есть лишь почётное, то есть работающее на общественных началах. И возглавляет его наверняка какой-нибудь местный синьор. А ближайшее генеральное консульство — в Милане. Мы здесь можем попасть в такой переплёт, что не приведи Господь. Нам бы прямо сейчас ехать в аэропорт и улетать отсюда любым — подчёркиваю, любым, необязательно даже прямым, — рейсом. Но с моральной точки зрения мы не можем это сделать в тот же день, что госпитализировали Павла Трофимовича. У него есть жена?

— Есть, — как-то скривилась Глазова.

— Можно вызвать её сюда, чтобы она была рядом с ним. Боюсь, правда, если мы станем ждать, пока она доберётся до Венеции, нам будет уже поздно бежать отсюда.

— Щас она всё бросит и полетит в Венецию! Вы не знаете его жены! В ней, как и в нём, сто двадцать кг веса!

— Ну, тогда родственники, дети... Короче, наше дело сообщить, а им решать, кто полетит. Сидеть у постели ректора вы на самом деле не обязаны, да и денег на жизнь в Венеции вам никто не дал. Позвонить семье нужно уже

сегодня. Конечно, всё, происходящее здесь — лишь один из вариантов реальности, но кто сказал, что в этом варианте не умирают? Вы помните, что там, откуда я прибыл, Стригунова тоже хватил удар? Это его судьба, как бы ни складывались обстоятельства в других ходах лабиринта. А нам надо понять нашу судьбу. Но и сидеть сложа руки тоже нельзя. Итак, бежать прямо сейчас мы не можем. Но можем утром, как ни в чём ни бывало, приехать в “Хилтон”. Думаю, что конгресс готовится реально, как и конференция в Южноморске. Война войной, а обед по расписанию. Мы сразу же ставим оргкомитет в известность о госпитализации Павла Трофимовича. Кстати, можно их попросить оповестить и консульство в Милане, им это как-то сподручнее. Потом обязательно регистрируемся и идём в зал конгресса. Он, понятное дело, не открывается, мы ждём полчаса, уходим под каким-нибудь предлогом и больше не возвращаемся. От “Хилтона” до аэропорта минут пятнадцать на такси.

— Как — без вещей? — уточнила практичная, несмотря на все потрясения, Глазова.

— Лучше без вещей, чтобы не привлекать внимания, лишь с небольшими сумками, в которые можно положить всё ценное.

— А если нас спросят в оргкомитете, где остальные?

— Мы скажем, что их не видели, приехали втроем. С Колобакиным.

— Но это же неправда!

— Что есть правда? — по-пилатовски возразил я. — Вот я настаивал на правде в Южноморске и вызывал всё большие подозрения, пока фактически не очутился под домашним арестом. Что за правда, если вслед за делегатами исчезают записи в гостевом журнале? Правда — это когда нечто совершается по правилам, а если они изменяются по ходу игры? Где здесь вообще в “Аквариуме” правда?

— А вы уверены, что на той странице, которую нам Джонни не показал, записей не было?

— На девяносто девять процентов. Ведь в “Аквариуме”-то они исчезли.

— Не знаю, не знаю... Как отнесутся в нашем университете, что я сразу уехала?

— Во-первых, не сразу. Всё-таки мы отвезли Стригунова в госпиталь, переговорили с врачами. Во-вторых, на самом конгрессе вы были, но конгресс не состоялся. Из аэропорта позвоните в университет и скажете, что в сложившихся обстоятельствах вынуждены немедленно возвратиться, так как непонятно, кто будет оплачивать ваше дальнейшее пребывание в Венеции. Слово “оплачивать” — волшебное для бюрократов, у них тут же исчезнут аргументы в пользу того, чтобы вы задержались за границей. Вот увидите. Так что, пожалуйста, звоните домой Стригунову, — я кивнул в сторону городского телефона на прикроватной тумбочке. — Утром оплатим.

Лилу втянула носом воздух.

— Сейчас, соберусь с духом. — Она допила виски, выпрямила плечи и пошла к телефону с той же решимостью, с какой обычно входят к зубному врачу.

— Какой код России?

— Десять семь.

Она набрала номер, некоторое время ждала.

— Алло! Добрый вечер! Зинаида Альбертовна? Извините за поздний звонок. Это Ольга Витальевна Глазова, помощница Павла Трофимовича, из Венеции. — Тут Лилу сказали нечто такое, отчего по лицу её пробежала злоба. — Зачем звоню? Ну, наверное, не для собственного удовольствия. — В голосе Глазовой появился металл, знакомый мне по разговору с ней в автомобиле. — Выслушайте меня, пожалуйста, внимательно. У меня для вас тяжёлое известие. С Павлом Трофимовичем на площади Сан-Марко случился инсульт. Он доставлен в бессознательном состоянии в реанимацию больницы “Оспedale Чивиле ди Венеция”. Она находится у пристани “Оспedale”. Пока мы с коллегой Лосевым были там, он в сознание так и не пришёл. Если у вас или у кого-то из родных есть шенгенская виза, мы с господином Лосевым рекомендуем вам незамедлительно прибыть к нему в госпиталь, в Венецию. Того же мнения придерживаются врачи.

Женщина на другом конце провода закричала так, что даже я услышал:
— Сука! Это ты его довела! Поганая сука! Ты затрахала Пашу до смерти, а теперь я должна лететь к нему в больницу?

Лилу повысила голос.

— Моё дело поставить вас в известность, а вы поступайте, как знаете. Запишите, чтобы не перепутать: больница “Оспедале Чивиле ди Венеция”, пристань “Оспедале”. — Она бросила трубку.

Глазова вернулась к столику, сама налила себе виски.

— Ну вот, я сделала это. Напьюсь сегодня, а завтра не смогу никуда ехать.

— Не напьётесь, нервное напряжение большое. — Самого меня алкоголь почти не брал.

Лилу посмотрела в сторону.

— Ну, вы, всё, конечно, поняли, объяснять не надо.

— Вы не волнуйтесь, вы мне ещё в Южноморске по пути на кладбище сказали, что Стригунов ваш любовник.

— Да? Интересно, чего это я так разоткровенничалась с первым встречным?

— Вы сами искали встречи со мной. Вы говорили, что не можете уже сделать вид, что insult Павла Трофимовича вас не касается, и чувствуете, как где-то рядом с вами *чавкает болото*.

— Это точно то, что я сейчас испытываю. — Она положила ногу на ногу, отчего её блестящее бедро заголилось, откинулась на спинку креслица, прикрыла глаза. — А как вы думаете, эта шутка ваша на вапоретто могла вызвать ревность Павла Трофимовича и стать причиной insultа?

— У человека апоплексического склада, имеющего молодую любовницу, всегда есть причина для insultа.

— Вы говорите, как Зинаида Альбертовна.

— Но ведь и она в чём-то права. Или нет?

— Скорее нет. Такие, как Стригунов, от секса не умирают. Любовник он был так себе.

— А чего же вы тогда с ним? Из-за места, что ли?

— Представьте, из-за места! У нас в Южноморске не так много этих мест!

— Ну, и машинку он вам, наверное, купил.

— Купил! И что же? Или вы из тех, кто считает, что любимым женщинам не нужно дарить подарки? Их надо только использовать? А вообще, зря вы так: он, в общем, неплохой человек. У нас в провинции, если ты незамужняя, есть варианты и похуже.

— Ольга Витальевна, не поймите меня неправильно, но, если вы хотите быть с Павлом Трофимовичем в это трудное для него время, упаси меня Бог мешать вам.

— Ага! А сами улетите?

— Ну, а вы как думаете? Я же не стал бы оставаться с Колобакиным, если бы с ним, паче чаяния, случилось нечто подобное? А Стригунов, простите, мне не ближе Колобакина.

— Кстати, о Колобакине. А если утром он объявится?

— К сожалению, не объявится, как не объявился Хачериди в Южноморске. Во всяком случае, за то время, что я там был. Впрочем, если хотите, можете ещё раз набрать Колобакина.

Она махнула рукой:

— Надоело. — И тут вспомнила: — Ой, у меня же смартфон из-за звонков ему разрядился! Дайте мне, пожалуйста, мою сумочку, там зарядка.

Потянувшись за лежащей на кровати сиреневой сумкой “Луи Виттон”, я увидел рядом купленный Глазовой солнцезащитный зонтик. Я взял его в руки:

— А вот то, что способно разрушить самые хитроумные наши планы.

— Не поняла. При чём здесь зонтик?

— Зонтик — лишь часть некой цепи. Перед тем, как мы нашли Стригунова, певец на сцене пел арию. Вы не знаете, чья она и откуда?

— Нет.

— Ария Марино Фальеро из одноимённой оперы Доницетти.

— Марино Фальеро, погодите...

— Совершенно верно, этот сюжет я рассказал Стригунову, когда он стал допытываться, о чём мы шепчемся. Почему же он мне пришёл в голову? Потому что на картине, под которой вы недавно сидели в лобби, изображён, как я подозреваю, эпизод именно из этой истории, заинтересовавшей в своё время и Пушкина. Он даже хотел написать стихотворение “Марино Фальеро”, да не закончил. Молодая догаресса из него вполне может быть дамой с бокалом на мостике. Над ней держат зонтик, похожий на ваш, только красный.

— Ну и что?

— Ничего. Дождь Фальеро в конце истории лишился головы, а у Павла Трофимовича после того, как вы купили зонтик, произошло нарушение мозгового кровообращения.

— Мой зонтик, что ли, в его инсульте виноват?

— Зонтик, повторяю, — лишь часть цепи. Об инсульте заговорил сам Стригунов: “Я вот тоже иногда думаю, не хватил бы кондратий”, — когда Колобакин рассказал о смерти дожа Фоскари. А мы ещё переглянулись, потому что я уже сообщил вам об инсульте Павла Трофимовича в моей реальности. Удар, постигший его, был предопределён, на что мы получали указания в форме издевательских намёков. А я даже бессознательно транслировал один, рассказав Стригунову историю дожа Фальеро. Но главное указание я получил, ещё когда разговаривал с Колобакиным на кафедре в вашем университете. Вы не помните, что за календарь там у них висит?

— Я там не бываю. Они ко мне ходят, если надо.

— На нём фото колонн с набережной Сан-Марко — тех самых, между которыми людей казнили. С Часовой башней в перспективе. То есть, моё перемещение в Венецию тоже было предопределено. И я, когда Колобакин указал на эти колонны с вапоретто, мог бы насторожиться, что дело нечисто. Что-то даже шевельнулось в моей памяти, но я не стал в ней копаться. А зря. Ведь этот знак, в отличие от других, не носил характера расплывчатых символов. Хотя я не знаю, что бы мог предпринять, если бы тогда разгадал его. Во всяком случае, вернуться вас назад точно не заставил бы. И план на завтра, который я вам изложил, может запросто враз поломаться, если мы не будем учитывать подобных знаков.

— Ну, учтём мы их, а что дальше? Вы же сами сказали, что, даже разгадав знак с колоннами, ничего не смогли бы изменить.

— Но вы-то смогли кое-что изменить.

— Как же, интересно?

— Полагаю, что вы исчезли бы, как Колобакин, если бы остались на площади. Но вы пошли в храм и вот сидите сейчас рядом со мной.

— Ну, этот знак я давно разгадала. Ничего не могу сказать плохого про храм, но все эти истории с этрускологами и венетологами показали, что нужно держаться ближе к вам, чтобы не исчезнуть. Я так и делаю.

— Тогда главный вопрос — почему я не исчезаю? В него втыкались все, с кем бы я ни разговаривал по этому поводу.

— Я знаю, почему, — просто сказала Лилу.

— Неужели?

— Вы можете смеяться, но про учёных я кое-что понимаю. Все бумаги и материалы, которые они подают ректору, проходят через меня. И я знаю этим людям цену. Делегаты исчезают потому, что они не настоящие историки, а вы настоящий.

— Да я и не историк вовсе, а филолог!

— Вы историк. Мне это стало ясно, когда вы рассказывали в самолёте про свою расшифровку древней надписи. Вы способны сами открыть что-то, а эти доктора и кандидаты всё переписывают друг у друга. Если есть, что переписывать. А так — сдирают у авторитетов. Точнее, одни сдирают у авторитетов, а другие у них переписывают. Естественно, в рамках программы “Антиплагиат”. Но все знают, что это плагиат, и молчат. Потому что сами такие.

— Весьма лестно слышать такое от вас, но должен вас разочаровать. Я ненадёжная защита, потому что тоже исчезал. В Южноморске, из гостиницы. И из падающего самолёта.

— Из падающего самолёта я бы тоже хотела исчезнуть.

— Да, но другие пассажиры не последовали за мной. Мне определён свой путь в лабиринте, а я не знаю, зачем. Может быть, дело в том, чем я в последнее время занимаюсь. Этруски, веныты... Это словно заглянуть в головокружительную бездну, как сказал ваш отец Константин. Дна не видеть, сколько ни смотри. “Открылась бездна, звезд полна, звездам числа нет, бездне дна”. А вы знаете, что в старославянском слово “дно” означает ещё “давно” и “глубина”? То есть некогда “дно” было не только мерой пространства, но и времени. Мы в Реке времён. Словно я вступил в неё, когда начал писать о праславянах, и она унесла меня. В этом потоке оказались и вы, и другие. Но у вас на то могут быть свои причины. Потому что Южноморск — город на берегу Реки времён. И Венеция тоже. Мы в одном потоке, но каждый сам по себе. Может быть, то, что Коллобакин сказал о приколах, — очередная притча “Аквариума”. У меня свой прикол, у вас свой. Вопрос в том, как до него доплыть?

Я задумался, глядя в пол. Молчала и Лилу.

— Однако уже поздно, и нужно ложиться спать, — встрепенулся я. — А то не встанем вовремя. Ничего нового, кроме побега отсюда, мы уже не придумаем. Утро вечера мудренее. Давайте я провожу вас до вашего номера, и вы возьмёте там вещи, зубную щётку.

* * *

Кровать в номере была одна, двуспальная, я лёг на свою половину и провалился в сон, пока Глазова была в ванной. Мне приснилось, что мы плывём на борту едва не раздавившего нас лайнера-великана. Лилу была во всём белом, в руках — бокал шампанского. Она стояла на палубе, расставив стройные ноги, ветерок теребил её плиссированную юбку, поднимая до самых бёдер. Вокруг расстилался океан. И ни души окрест — ни людей, ни птиц, ни кувыркающихся дельфинов. Только вода, ветер, солнце.

— Мало славы, мало времени в сей жизни, — лукаво молвила она, отпивая из бокала.

— А те, что есть, пожуртятся жерлом вечности, — ответил я и прочитал:

*Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.*

— А чем плоха пропасть забвенья? — Глазова обвела рукой белоснежную, слепящую в лучах солнца палубу. — Разве ты никогда не хотел, чтобы от тебя унеслись далеко все дела и стремленья? И вот, наконец, случилось: нас взяли на корабль. Мы плывём в море, в котором нет ни берегов, ни приколов. Ты смотришь на мои ноги. Ты желал бы видеть и остальное. Это жизнь! — Она подошла ко мне. Её загорелые свежие груди лежали в вырезе декольте, как два грейпфрута в белой вазе. Лифчика, естественно, не было. Лилу проследила мой невольный взгляд и шепнула: — Соски затвердели от ветра. А может быть, дело не в ветре? — Она положила руку на мой пах.

— Ольга Витальевна!.. — пролепетал я и оглянулся.

— Но мы же здесь одни, ты знаешь. Посмотрим, посмотрим, есть ли птица в гнёздышке! — Вжикнула опускаемая молния. — О, да! Она трепе-

счет под рукой! Давай отпустим её? — Глазова умело, в два-три движения, расправила с моими брюками. — А вот и кло-у-вик показался!.. — Она склонилась над тем, что столь бесцеремонно извлекла наружу.

— Нет! — рванулся я от неё и проснулся.

Я лежал в тёмном номере, распростёртый на постели. Но кто-то и впрямь настойчиво оглаживал мой пах. Это была Лилу, совершенно нагая. Луна полировала серебром тонкое плечо, плавный изгиб бедра, нежную округлость живота, стекающую в тень лона.

Сон обернулся явью.

— Ты проснулся? — Она прижалась ко мне прохладной грудью с набрякшими сосцами. — Я подумала... В общем, чего мы лежим просто так вместе? Может?.. — Она медленно положила на меня тяжёлую гладкую ногу, призывно повела тазом.

Подогретый срамным сном, я испытал нестерпимое желание стиснуть руками полушария ягодиц Лилу, поднять её над собой и с размаху, не примеряясь, опустить на пульсирующую плоть, утопить без остатка в нежном лоне всю тяжесть и окаменелость, что она во мне без спросу породила. Ещё мгновение, и я бы сделал это под стон пронзаемой до доньшка искусительницы, но тут со стороны моря донёсся тяжкий гудок, и я сразу вспомнил тёмную воду каналов, надвигающийся белый лайнер, пронзительный женский визг и оскалившихся “чёрных венетов” с выставленными средними пальцами.

Я нащупал её руку внизу своего живота и убрал её.

— Что ты задумала? Мы ведь едва знакомы!

Она напряглась, потом обмякла, легла на спину

— Достаточно знакомы, чтобы ты хотел меня! Я же видела по глазам. Дай свою руку, смотри, я, как масло! Ты не пожалеешь. Кончим вместе, секунда в секунду, и заснём, как убитые!

Я вырвал руку. Чресла ныли, как будто меня пнули в пах. Разуму трудно бороться с волнениями тела. Я напрягал всю свою волю, чтобы не оседлать распахнутую до последних глубин Глазову.

— Да ведь твой любовник лежит неподалёку в госпитале парализованный! Как ты можешь всего через несколько часов наваливаться голыми титьками на другого мужчину?

— Тебе неприятно после Стригунова, да? Я с ним уже месяц как не была.

— Меня это совершенно не касается! Ты, конечно, девушка видная, а я не железный, но нельзя вот так брать спящего человека за ядра и говорить: давай кончим вместе!

Она помолчала. Грудь её вздымалась.

— А можно, по-твоему, вот так отказывать женщине? Мне ведь не просто мужчину хочется, мне надо снять это дикое напряжение. Я вся, как натянутая струна, не заснула даже на секундочку, пока ты тут сопел. Я должна встряхнуться как следует. Неужели трудно помочь человеку? Я в долгу не останусь, ты так кончишь, что забудешь, где находишься!

— Но нам нельзя забывать, где мы находимся! Если мы будем грешить в “Аквариуме”, то погибнем, поверь мне!

— Тоже мне грех! Вставить ключ в замок — это грех? А почему же мы так устроены внизу, как ключ и замочная скважина? А виски для расслабления пить не грех?

— Виски я не покупал, оно прилагалось “Аквариумом”. А ты в этом варианте прилагалась к Стригунову. Допустим, он не муж тебе, но что же, твой замок открывается любым ключом? Или, может быть, в идеале каждый замок подразумевает свой ключ?

Под разговор меня стало понемногу отпускать.

— Ты про моногамию, что ли?

— Про неё. Ты ведь соблазняешь женатого человека.

— А у тебя молодая жена?

— Почему обязательно молодая? Моего возраста жена.

— И ты её так любишь, что считаешь грехом вставить ключ в новую, неизношенную замочную скважину?

— Да ты молода ещё... У меня дочь почти такого же возраста. Любовь — это не только повороты ключа в скважине. Муж и жена — это ещё и друзья, которые доверяют друг другу. А друзей не предают и не обманывают.

— Семейные свингеры тоже никого не предают и не обманывают.

— Ну, конечно! Они обманывают, прежде всего, самих себя. Узаконенное прелюбодеяние не перестаёт быть прелюбодеянием.

— Да ты вообще находишься не в своей реальности! Тебе здесь некому изменять! Твоя жена осталась в той жизни, в которой ты прилетел на конференцию в Южноморск!

— Мне трудно это объяснить, но я чувствую, что от перемещений в иную реальность наши моральные обязательства не меняются. В каком бы из ходов лабиринта ни объявлялись наши двойники, им не дозволено больше, чем мне или тебе. И, может быть, в большей степени не дозволено. В ином случае “Аквариум” сразу же воспользуется этим и накажет. Так что не разжигай себя, одевай бельишко и постарайся всё-таки уснуть. Завтра будет трудный день.

— Ой, что это! — Лилу встрепенулась, подскочила. На простыне под ней осталось небольшое пятнышко. — Ну, вот, месячные! — воскликнула она таким тоном, как будто я своим отказом ускорил её регулы или, напротив, мог их отдалить, вставив ключ в пресловутую замочную скважину. Сверкнув ягодицами, Глазова бросилась в ванную, зажимая рукой промежность.

Я же лежал, посмеиваясь над казавшимися столь тяжкими волнениями моей плоти, и не заметил, как снова заснул.

Когда я открыл глаза в свете занимающегося утра, другая половина постели была пуста. Встревоженный, я приподнялся на локтях. Лилу сидела в углу, накрашенная, одетая в лиловый закрытый костюм, как в день нашего знакомства, и печально смотрела на меня. Мне стало не по себе.

— В чём дело? Ты что, не спала?

— Нет, так и не смогла. А через час тебе уже ехать отмечаться в “Хилтон”.

— Мне? А тебе?

— Я поеду в “Оспедале”, к Павлу Трофимовичу. И вообще, останусь с ним, пока всё не разрешится. Ты был прав, когда предложил мне это.

— Но это была лишь фигура речи! Сама-то ты не хотела! Что заставило тебя изменить решение?

— Моральные обязательства, — усмехнулась она. — Ты прав, какой бы он ни был, он мой мужчина. И я хотела, чтобы он развёлся с Зинкой и взял меня замуж. Так что...

— Но теперь-то как ты с ним?..

— Никак. Я буду выносить его судно и кормить его с ложечки, если он сможет есть с ложечки. Знаешь, у меня появилось ощущение, что он выживет лишь в том случае, если я останусь с ним.

— Может быть... Глубокая мысль, не ожидал. Поздравляю! Я даже потрясён... Похвально... Нет, правда, это достойное решение... Да, конечно... Но тот ли это человек, ради которого ты должна похоронить себя как женщина?

— Другой человек умер от передоза и лежит на том самом кладбище, на которое тебя возила Ольга из твоего рассказа. Я было подумала: не ты ли мой новый человек? Ведь зачем-то ты появился в моей жизни, да ещё из параллельной реальности, и я, находясь рядом с тобой, не исчезла, как другие, не впала к кому, как Стригунов? К тому же, ты мне понравился, таких в Южноморске нет. Наш потолок — остряк Колобакин. А вчера, когда мы поднялись в твой номер, мне стало страшно. Недостаточно быть просто рядом с тобой, я могу внезапно сгнуться, когда ты, допустим, выйдешь в туалет. Ведь ты появился из иной, невидимой жизни, нас ничего не связывает. И особенно стало страшно, когда ты уснул, а я нет. Пристав к тебе с сексом, я не только хотела снять напряжение, я подумала, что, если оставить твоё семя в себе, то наши реальности сольются, и я рука об руку с тобой выберусь из “болота”. Но сначала ты сказал о жене, и это было искренне. Я поняла, что ты не можешь быть моим мужчиной. Ты думаешь, такие женщины, как я,

не знают того, что ты сказал о муже и жене? Знают, и все хотят этого. Угроза греха-то меня не очень пугала... Точнее, так: пугала, но ведь я и приехала сюда не праведницей, я грешила с Павлом Трофимовичем, не любя его, а только желая использовать. Потом... вдруг пошли месячные, хотя по срокам было рановато. А значит, твоё семя не осталось бы во мне. Наши пути в любом случае разошлись бы. Ты снова уснул, как ни в чём не бывало, а я снова лежала, думала. Зачем в Южноморске я следила за тобой на улице? Почему везла тебя на кладбище, где лежит Игорь? Это случайность? Или, напротив, знак? Я не спасла Игоря, а потом, в депрессии, отдалась Стригунову, не особо противясь. С ним или с другим — какая разница? Лучше с ним, он не последний человек в городе, ректор университета. Со временем даже привыкла к нему, хотя после секса, в ванной, помогала себе кончить рукой. Но Павел Трофимович полюбил меня, а это для женщины важно. Я по-прежнему не считала его своим мужчиной, но готова была связать судьбу с ним, если он разведётся. Даже родить от него ребёнка. И вот... Я лежала с зудящей пустотой между ног, заткнутой тампоном, и спрашивала себя: почему в твоей истории у Стригунова тоже был инсульт? И зачем ты приезжаешь в Южноморск и Венецию накануне удара? Также случайность? Отчего та, другая я, бросила тебя на кладбище? Может быть, для того, чтобы я настоящая встретила тебя здесь? И узнала, что нужно отличать свои знаки от остальных, искать свой прикол в *Реке времён*? Я пыталась, глядя в темноту. И тогда я вспомнила, что делала в твоём рассказе, когда Павел Трофимович лежал в Южноморске с инсультом. Я сидела в приёмной, ходила за тобой, везла на кладбище... Правильно? Но я не была рядом со Стригуновым. И здесь не хотела. Готова была как его подчинённая, но как человек — не хотела.

— То есть ты поняла, что он — твой прикол? — наконец, догадался я.

— Да. И что я не должна поступить с ним так, как поступила в твоём рассказе и как поступила бы здесь, не будь разговоров с тобой. Только тогда есть надежда, что я выберусь. Что поставлю себя на прикол. — Она улыбнулась. — У “Оспедале” есть такая “брикола” из двух брёвен, видел? Может, это моя?

— Всё правильно, — кивнул я. — Молодец! Ты умная! Всё гениальное просто. Езжай в “Оспедале” к Стригунову. Извини, я оденусь. Позавтракаем здесь? Потом я посажу тебя в здешний “форд”, на котором ты доедешь до Площади Рима. А сам закажу такси до “Хилтона”.

— Мы расстанемся навсегда? — подняла на меня глаза Лилу.

— Если я тоже выберусь, то никогда, будучи в здравом уме, больше не приеду в Южноморск. Ну, ты понимаешь... А не выберусь, то как знать...

— Южноморск — место встречи попавших в “болото”...

— Знаешь, я почему-то думаю, что, если ты вытащишь Стригунова с того света, то “болото” от тебя отступит. Но одного решения, которое ты сейчас приняла, для этого мало. Ведь всегда можно отыграть назад: когда придет Зинаида Альбертовна, например... Ты понимаешь, что должна взвалить на себя тяжкий крест? И нести его? Я спрашиваю, потому что ещё не поздно поехать со мной.

— Да, понимаю, — тихо сказала она. На глаза её навернулись слёзы. — И постараюсь не отыграть назад.

— Хорошо.

Надевая пиджак, я замер, увидев нечто знакомое.

— Ах, вот как... — промолвил я. — Ну, что ж... Тогда, значит, так. — Я вынул из кармана бумажник, достал оттуда все евровые банкноты и протянул Ольге.

— Зачем? — удивилась она. — На что ты полетишь домой?

— Я уже никуда не лечу. А тебе здесь деньги нужнее. Гляди, — я указал на зеркало напротив, в которое было хотел посмотреться. — Я в нем не отражаюсь. И мелкие волны идут по нему, как рябь. Это значит, что открылся вход.

— И правда — не отражаешься, — со страхом сказала Лилу. — Она на цыпочках подошла к зеркалу, вытянула шею. — И я не отражаюсь. Там, в зеркале, коридор какой-то, — на здешний вроде не похож.

Я кивнул:

— Совершенно не похож. Зато похож на коридор в моей квартире. Я просто войду в неё из Венеции. Мне даже не придётся тратиться на такси от аэропорта.

— Повезло, — вздохнула она.

— Ну, это ещё никому не известно. Слишком лёгкое возвращение, а здесь лёгких путей не бывает.

— А тебе точно туда надо?

— Я же не в своей, настоящей жизни, значит, всё равно придётся искать портал, чтобы попытаться вернуться. А какая разница — здесь или в Москве? Так... Надо поторопиться, а то вход может закрыться так же быстро, как открылся. Чемодан и портфель, пожалуйста, возьму с собой: как знать, есть ли они дома. Ну, Ольга Витальевна, не поминай лихом. Обнимаю, что ли?

Глазова обняла меня за шею обеими руками, прижалась к моей щеке мокрым, с потёками лиловой туши лицом.

— Спасибо, я буду помнить о тебе, — шепнула она.

— Что ж, с Богом. Смотри, больше такого, наверное, никогда не увидишь. Смертельный номер! “Человек, преодолевающий пространство и время”! — Я перекрестился, взял чемодан и портфель и шагнул в пустоту зеркальной рамы.

* * *

Знакомый запах. Я стоял в прихожей своего дома. Всё здесь выглядело точно так же, как перед моим отъездом в аэропорт. Я обернулся на зеркало и отразился в нём. Портал захлопнулся. Я осторожно опустил на пол чемодан с портфелем, потянул собачку замка на двери, открыл её и с грохотом опять закрыл. Так-то будет лучше. Человек, входящий не в дверь, по меньшей мере, подозрителен.

Но на клацанье входной двери никто не отреагировал.

— Есть кто живой? — воззвал я.

Тишина. Понятно, утро, будний день, жена на работе, дочь в университете. Я разулся, снял пиджак, прошёл в гостиную. Господи, как будто никуда не уезжал! Неужели всё было дурным сном? Хотелось бы верить, да только как я оказался в квартире, не открыв двери ключом? Я сел на диван, задумался. Вот я вернулся — счастливо, можно сказать, да только я это или не я? Как понять? За что мне сейчас братья? Просто продолжать жить, как до отъезда в Южноморск? А получится?

— Сначала надо позавтракать, вот что, — сказал я сам себе. Питание в “Аквариуме” было нерегулярным и необильным, в животе урчало.

Я отправился на кухню, достал из холодильника яйца и сосиски, открыл газ.

— Здесь хоть пожрать можно, — бурчал я, наливая масло в сковородку. — Дом есть дом! А там ни банкета, ни фуршета, пара завтраков в отеле да кусок пиццы на вокзале! В туалете бывал урывками! Давно не припомню такой экстремальной командировки!

Поддерживая себя такими шутками, незаметно я вернулся мыслями в “Альвери”. Лилу без меня, небось, не стала завтракать, сразу поехала в “Оспедале”, к Стригунову. И поест ли теперь до вечера, неизвестно. А скоро будет и не на что. Денег ей, даже с моими, надолго не хватит. Через два дня придётся расплачиваться самой за гостиницу. Зря мы всё-таки не поехали в “Хилтон”, не зарегистрировались на конгрессе! Получается, сейчас она никто и звать никак. А так бы в оргкомитете чем-нибудь помогли, связались с консульством. Ей надо бы...

Тут я очнулся и замер с банкой кофе над кофеваркой. Какой конгресс, какая Лилу? Настоящая Лилу сейчас в Южноморске, а уж у одра Стригунова или нет, неизвестно. Никого из тех, кого ты видел в Венеции, там нет и не могло быть! Всё, этот вариант отыгран! Или?.. Нет, нельзя так просто

взять и вычеркнуть из жизни что-то, даже, если это что-то происходило в иной реальности! Тем более что “Аквариум”-то не вычёркивает! Я встречаю в его ходах одних и тех же людей, с одной и той же историей, иногда печальной, как у Стригунова. Десятки параллельных сюжетов развиваются сейчас в лабиринте, в том числе и с моим участием. В одном из них я стою на кухне, жарю яичницу и варю кофе. А в других? Странное дело, вот я дома, но почему-то не рад этому. Вернувшись не обычным путём, а потусторонним, через зазеркалье, я всё думаю: действительно ли это Я вернулся или просто Лосев номер три стал Лосевым номер четыре? А значит, возможен Лосев номер пять, шесть, семь и так далее?

Под эти мысли я позавтракал и выпил кофе. Потом некоторое время сидел без движения. Честно говоря, спокойней было ничего не делать и оставаться в неведении. Но так долго продолжаться не могло. Надо пойти к компьютеру, открыть почту и посмотреть, где я и что я. И тут здешний мир сам истребовал меня звонком мобильного.

Давненько, давненько я не слышал этой музыки! Я пошёл в прихожую, достал из кармана заходящийся телефон. “Аня”, — светилось на экране. Жена. Вот сейчас и станет ясно, где я. Если она спросит, почему я был недоступен два дня и не звонил сам, то я вернусь в прежнюю жизнь. Если же нет... Правда, аккумулятор почти на нуле: я, в отличие от Лилу, не удосужился зарядить его в “Альвери”. Но, может, на разговор хватит?.. Я ответил:

— Алло!

— Боря, привет! Ну, я прилетела! В гостиницу пока не заселились, там с одиннадцати, и нас отвезли в университет позавтракать. Тебя здесь кое-кто читал!

— Куда прилетела? — неосторожно спросил я. Но было уже ясно, что я не в прежней жизни. Когда я отправлялся на конференцию, Аня улетать никуда не планировала.

— Ну как, куда? Ты, что, не проснулся ещё? Ты же меня сам ночью отвозил в аэропорт! В Южноморск!

— Куда-куда?! — пролепетал я.

— Боря, ну, что ты раскудахтался? Куда-куда! Не смешно уже! В Южноморск, на конференцию!

Я едва не выронил телефон. Да, жена моя, в отличие от меня, настоящий учёный, со степенью, филолог, и ездит на конференции. Ничего необычного. Если не считать места проведения конференции.

— Ну, что ты молчишь? Да что с тобой?

— Да-да... А какая гостиница? “Аквариум”?

— Откуда ты знаешь? Ты же никогда не был в Южноморске! Ну, да, “Аквариум”.

— Аня, ты могла бы... не заселяться в эту гостиницу, вернуться в аэропорт и улететь домой?

— Что-что?! — Теперь пришёл её черёд переспрашивать. — Да ты в своём уме? Почему я должна возвращаться? Что там случилось после того, как ты посадил меня на такси?

“То, что может случиться и с тобой в городе переселения душ”, — подумал я и сказал:

— Послушай меня... это плохой город и плохая гостиница. Там исчезают люди, и никто потом не может их найти. Бросай всё, уезжай, умоляю!

— Но ты же знал, куда я еду! Почему говоришь это только сейчас?

— Ну, скажем, я узнал это только сейчас.

— Приснилось, что ли?

— А название отеля тоже мне приснилось?

— Да кто там исчез?

— Участники международной конференции этрускологов. Ты откуда вообще звонишь? Кто там с тобой рядом?

— Никого. Я вышла из столовой в коридор позвонить, пока народ заканчивает завтракать. Ты ничего не напутал насчёт этрускологов? Никогда об этом не слышала. Да если бы они исчезли, был бы скандал на весь свет!

— И ты будешь дожидаться скандала с филологами? Только где?

— Боря, не сочиняй, пожалуйста, — устало сказала она. — Может, ты новый свой сюжет перепутал с явью? Тогда иди, поспи ещё.

Всё было бесполезно. Кандидата наук, только что прилетевшего на конференцию и ещё не прочитавшего свой доклад, нет никакой возможности выдернуть обратно. Пусть даже *вдоль дороги мёртвые с косами стоят*.

Между тем, телефон подал сигнал, что издыхает.

— Аня, — заторопился я. — А кто сейчас ректор в Южноморском университете, не знаешь?

— Знаю, он нас поприветствовал, седой такой дядечка, после инсульта, Стригунов. Но занимается нами, в основном, проректор Хачериди.

“После инсульта”? Вот как? Так, может...

— А кто у Стригунова секретарь?

— Ольга Витальевна, молодая дама, немного печальная, в тёмном. Кстати, она и есть твоя читательница. Когда мы были в приёмной, она так странно на меня посмотрела и спросила: “А вы, случайно, не супруга Бориса Сергеевича Лосева? — Да, — говорю, — а вы откуда его знаете?” Она повела бровями и улыбнулась несколько загадочно. “Читала, — отвечает. — Передавайте ему от меня поклон”.

Тут связь оборвалась.

Я тупо глядел на пищавший, алчущий напиток электричеством телефон. И так, реальность под номером неведомо каким, в которой оказалась Аня, есть продолжение венецианской реальности номер три! С благородной Лилу, поставившей на ноги Стригунова. И даже подавшей мне знак оттуда. Это, в общем, неплохо, потому что мир, в котором совершается добро, может противостоять миру зла. Я в “Альвери” так и посулил Ольге, что “болото” отступит от неё, если она вернётся к Павлу Трофимовичу. И от него оно, тоже, кажется, отступило, судя по тому, что он по-прежнему ректор и даже ходит на работу. Может, и жену “Аквариум” оставит в покое? Да, но ведь её поселили в нём! Как мне связаться с Лилу, чтобы она позаботилась об Ане? Переселила её в другой отель, например? За всё время, что мы были в Венеции, я не удосужился узнать номер телефона Ольги. Так, но на сайте университета телефон приёмной ректора наверняка есть.

Я поставил мобильник на подзарядку, пошёл в свой кабинет, включил компьютер и роутер. Посмотрим, какое сегодня число. 25 апреля, извольте! Да... но год?! В правом нижнем углу монитора был указан не нынешний, а... следующий год. Один год моей жизни, который я не прожил! Что ж... теперь понятно, почему Стригунов успел встать на ноги, а я не знаю об Аниной конференции в Южноморске. А я-то мнил, что в мире “Аквариума” не бывает будущего!

Я затребовал в поисковике сайт Южноморского университета, открыл. Ага, вот раздел “Органы управления”, а вот телефон приёмной. Я набрал его по стоящему на столе аппарату. “Номер, набранный вами, не существует!” — почти прокричал мне в ухо зловещий женский голос. Хлопнув по рычагу, я снова стал жать на кнопки телефона, уже медленней, предположив, что ошибся в наборе. “Номер, набранный вами, не существует!” — ещё более зловеще, как мне показалось, повторил недобрый голос. Что ж, похоже, повторяется южноморская история с телефонами... Иногда они оживают, как в случае с отцом Константином, портье в “Альвери” и недавним звонком Ани, но весьма выборочно — наверное, по какому-то заранее намеченному плану... Хорошо, а если попробовать написать Лилу по университетскому e-mail’у? Вот он, в “Контактах”, общий. Я кликнул его и напечатал в адресной строке: “Глазовой Ольге Витальевне”. Что же написать? Надо ведь не вызвать подозрений у админа, которому сначала придёт письмо. Я подумал и написал:

“Ольга Витальевна, большая просьба позаботиться о моей жене Ане, которая, как Вы знаете, сейчас находится в Южноморске. На неё плохо действуют зеркала, а в “Аквариуме” их слишком много. Пожалуйста, переселите её под благовидным предлогом в другой отель! И вообще, если можно, присмотрите за ней, чтобы она не отправилась в одиночку гулять на болота.

С безусловным уважением к Вашей самоотверженности,
Борис Сергеевич”.

Конец письма получился, прямо как в “Собаке Баскервилей”: “заклинаю: остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно”. Но она девочка сообразительная, всё поймёт, и насчёт зеркал, и, тем более, насчёт болота. Только бы ей переправили письмо! Надо что-то такое написать в строке “Тема”, чтобы не поставили “на игнор”. Вот так, пожалуй: “Союз писателей России, Б. С. Лосев”. Выглядит весомо. Я нажал кнопку “Отправить”. Письмо ушло.

Ладно, а что с моей дочерью? Точно ли она в университете, как я предполагал, войдя в квартиру? Жена оказалась вовсе не на работе. Я набрал мобильный Елены, ожидая настроившего в ушах: “Телефон абонента выключён...” — однако довольно быстро последовало соединение:

— Папуля, привет!

— Привет, дочка! Ты где сейчас?

— Мы с девочками гуляем в Биеннале.

Снова противно заныло под ложечкой, — как и тогда, когда жена сказала про Южноморск.

— А что это такое... Биеннале?

— Ну, ты что, не знаешь? Такой парк в Венеции, где международные выставки происходят.

Я моментально взмок. Я предельно ясно понял, что на этот раз “Аквариум” жёстко взял меня и мою семью в оборот. Чужие исчезновения закончились. Не дёрнешься, как, бывало, в других ипостасях! Я — прямиком из Венеции в Москву, а дочь — из Москвы в Венецию. А жена, тем временем, в Южноморске, откуда я сбежал через зеркало.

— Папуль, ну, ты что молчишь? Счётчик-то тикает!

— Ничего не тикает... двести рублей уже заплатишь по-любому. — Я мучительно пытался сообразить, как мне выведать, что же она, собственно, делает в Венеции, не открывая своего полнейшего неведения. Скорее всего, раз с ней в Биеннале фигурируют “девочки”, они там оказались по программе студенческого обмена. — Ну, как тебе местный универ? — наугад спросил я.

— Да я же тебе несколько дней назад говорила! Административный корпус в таком шикарном Палаццо Ка’ Фоскари на Большом канале, а кампусы разбросаны по всему городу и в Местре. Живём в общежитии по двое, я с Таней Рудаковой. По вечерам у нас весело! Да, папочка, вот что я тебе хотела сказать... Сама собиралась позвонить, а тут ты... Помнишь, я тебе говорила про Дмитрия Евстигнеевича, нашего русского человека, который работает в универе, в Центре исследований по искусству России? Помнишь? Что ты молчишь?.. Ну, Дмитрий Евстигнеевич Колобакин, такой милый, остроумный, всё ухаживает за мной, показывает Венецию?..

— Так, — сумел выдать себя я, — и что?

— В общем, в моей жизни произошло важное событие... он сделал мне предложение.

— В каком смысле — предложение? — оцепенел я. Час от часу не легче: “Аквариум” бьёт без перерыва, не давая продыха! — Замуж, что ли?

— Ну да, представляешь! Я ему ещё ничего не ответила, но, думаю, что соглашусь. Буду жить в Венеции, папуля! Он, конечно, на пятнадцать лет старше, но ведь мои ровесники — дебилы, сам знаешь.

Я перевёл дыхание.

— А он что — сейчас рядом, этот Колобакин?

— Нет, он на работе. Мы сами пошли в Биеннале, это недалеко от Дворца Дожей: сначала по Рива дельи Скьявони до Арсенала, а потом...

— Вот что, дочка, — перебил её я. — Выбрось этого Дмитрия Евстигнеевича из головы. Он хоть и краснобай, а на самом деле пустой человек, позёр и хохмач, и заполняет пустоту марихуаной и кокаином. Ты с ним попадешь в беду. Ответь ему “нет” и попроси больше не приближаться к тебе.

— Да ты что? Какая марихуана? Да мы же говорили с тобой в прошлый раз о Дмитрии Евстигнеевиче, и ты сказал: “Ну что ж, пусть покажет тебе Венецию, но если будет в гости к себе звать, не ходи”!

— А ты ходила?

— Папа!..

— Это правда?

— Правда! Но он приходит к нам в гости в общежитие! А что — нельзя? Он, на минуточку, наш куратор!

— Он урод — в жопе ноги, как сказала одна общая знакомая! — не сдержался я. — Слушай меня внимательно. В комнату его больше не пускай. Разговоров не заводи. На его разговоры не отвечай. Если он куратор, то пусть курирует, но не тебя лично, а всю группу.

— Какая ещё общая знакомая, если ты его не знаешь? Если бы знал, то сказал бы в прошлый раз! Папа, какая муха тебя укусила? Что ты придумываешь?

— Я не понял тогда, о ком ты говоришь. Я знаю его по Южноморску, где он был доцентом в местном университете. Едва ли не первое, что он мне предложил при встрече — это забить косячок.

— Да разве ты был когда-нибудь в Южноморске?

— А откуда мне тогда знать, что Колобакин работал в местном университете? А он ведь там работал, не правда ли, и говорил тебе об этом?

— Я всё поняла... ты навёл о нём справки, и кто-то накрутил тебя против него. Папа, ну нельзя же так! Мало ли кто и что о ком скажет! А у меня самой, по-твоему, глаз нет? А мама меньше тебя понимает в людях? Она мне сказала: “Леночка, ты внимательно присмотришься к нему, попроси рассказать о себе поподробней и, наконец, постарайся узнать, сколько он зарабатывает”, — но она не говорила за глаза о человеке, что он урод — в жопе ноги!

— А ты ей сообщила о предложении Колобакина?

— Ну... да. Решила: сначала ей, потом тебе.

Ну, Аня, партизанка! Ни полсловечка по телефону о венецианском женихе! Женская солидарность!

— Я буду с вами обеими иметь серьёзный разговор на эту тему. Мы по телефону твоих женихов обсуждать не будем. И уж тем более благословлять. Пусть он явится пред очи родителей, и мы с ним основательно поговорим.

— Да как он явится? Из Венеции, что ли, прилетит?

— Любит — прилетит и из Венеции. А если он просто развлекается, то пусть там и остаётся. Но без тебя.

— Да откуда у тебя вдруг эти домогательские замашки? Почему ты унижаешь меня? Ты мне даже ничего не советуешь, просто диктуешь свою волю, и всё! Папа, я совершеннолетняя, я личность, у меня своя жизнь, и я имею право выбора. Не смей так говорить со мной!

— Лена... — начал я, но она отключилась.

Я совершенно не знал, что делать. Меня взяли за слабое место — жену и дочь. Успокаивать себе, как раньше, мыслью, что это не моя реальность, я уже не мог. То, что крикнули в одном из ходов лабиринта, обязательно отзывается эхом в другом, — пусть в искажённом виде, но с неизменной сутью. Ты бросаешь бумеранг в одном зазеркалье “Аквариума”, а он возвращается к тебе в другом. Возможно, и в третьем, и в четвёртом. Эх, не зря я подозревал, что придётся дорого заплатить за мгновенный переход из “Альвери” в свою квартиру!

Я сидел, уставившись невидящими глазами на свою почту в “Яндексе” — почту, которую я, в своей жизни годичной давности, не получал и на которую в действительности не отвечал. Вот ещё одно письмо, новое... Но что это: “Ре: Глазовой Ольге Витальевне”? Неужели ответ?! Трясущими руками я открыл письмо:

“Сделаю всё, что смогу.

Помнящая о Вас

Ольга Г.”

Я перевёл дух. Есть! Получилось! Лилу — надёжный человек! Благородная Лилу, которая сначала показалась мне высокомерной южноморской оторвой! Чувственна, конечно, необычайно... Гормоны в ней играют, как пузырьки нарзана, бегущие наверх со дна бокала. Я вспомнил вживую тяжесть

её ноги на мне, эллипс бедра, обведённый лунным светом, прохладные груди с твёрдыми сосками... Она была так близко, на расстоянии даже не руки, а... Я помотал головой, отгоняя гибельное наваждение. Гибельное уже не для меня, а для Леночки. Если я не окажусь на высоте здесь, ей будет туго там. Рядом с ней Колюбакин, а где Колюбакин, там и “болото”. Я чувствовал, что он был неотъемлемой частью той недоброй мистики, что окружала меня в Южноморске и Венеции, и это беспокоило меня не меньше, чем его отношение к наркотикам, позёрство и скрытое за хохмачеством лукавство. Я не мог знать, в каком качестве он был приставлен “Аквариумом” ко мне и к другим, но то, что он игрушка в руках потусторонних сил, я ничуть не сомневался. Судя по тому, что Колюбакин жив-здоров и по-прежнему работает в Ка’ Фоскари, он никуда не исчезал на площади Сан-Марко, а просто сбежал от нас, бросив парализованного Стригунова! И вот теперь он “сватается” к моей дочери... А я бессилён.

Взгляд мой снова упал на письмо Лилу. Но так ли уж и бессилён? Ведь мой ход с университетской почтой удался! А почему бы мне не попытаться и на университет Ка’ Фоскари выйти через сайт? Я набрал его в поисковике и быстро заполучил, с опцией перевода на русский. Смотрим... “центральная администрация”... “дом приходского священника”... “ректор”... Микеле Буглиси... телефон, факс, e-mail.

Для начала я попробовал телефон. Как и в случае со звонком дочери, соединение произошло на диво быстро:

— Ascolto, Direttrice dell’Ufficio del Rettore Veronica Giove, — поставленным голосом сказала женщина на другом конце провода. Смотри-ка, заграница прозванивается: что-то “Аквариум” по части международной связи не доработал! И тут же спохватился: не накаркать бы!

— Хэлло, синьора Вероника! — по-английски приветствовал я директору офиса. — Это Борис Лосев, писатель из России. Мне нужно срочно переговорить лично с синьором ректором по поводу возникшей проблемы в наших двусторонних контактах.

— Здравствуйте, мистер Лосев! Это действительно срочно?

— Да, конечно! Я же из Москвы звоню.

— Минуту... попробую соединить, если у него не занято.

“Писатель из России” за границей ещё действует безотказно, а вот у нас уже надо говорить: “Союз писателей России”... В одиночку не котируюсь.

Через пару минут Вероника сообщила:

— Мистер Лосев? Синьор ректор у телефона.

— Грацие!

— Хэлло, дорогой друг! — услышал я приятный мужской голос. — По поводу каких контактов вы хотели бы со мной поговорить?

— Здравствуйте, синьор Буглиси! По поводу студентов из России, которые сейчас гостят у вас в Ка’ Фоскари. Среди них моя дочь Елена Лосева.

— О, весьма приятно!

— Мне тоже, если бы не одно обстоятельство. К нашим ребятам, как я понял, приставлен мой соотечественник, Дмитрий Колюбакин, работающий у вас лаборантом в Центре исследований по искусству России. Я его знаю, и у меня о нём не самые хорошие впечатления. Он уже не так молод, а ведёт себя, как тинэйджер, покуривает марихуану, острит без остановки, по поводу и без повода. Такие быстро располагают к себе молодёжь, но не думаю, что хорошо на неё влияют. Тем более, что он взялся ухаживать за моей дочерью и даже предложил ей выйти за него замуж. Я не знаю человека, менее склонного к семейной жизни, чем господин Колюбакин. Мы с вами, синьор Микеле, как люди более опытные, понимаем, что он просто морочит девушке голову с достаточно понятными целями. По-другому они называются сексуальными домогательствами. Вы, естественно, не полиция, но вы работодатель этого Колюбакина и не для того, я уверен, поручили ему курировать наших студентов, чтобы он использовал это в целях, не имеющих никакого отношения к его работе. Я бы хотел попросить вас устранить Колюбакина от нашей группы и запретить ему появляться у них в общежитии.

— Как вы говорите: Дмитрий Колюбакин?

— Колюбакин.

— Спасибо, я записал. Вы видели, как он курит марихуану, мистер Лосев?

— Нет, но он предложил мне сделать это сразу же после знакомства в университете нашего города Южноморск.

— Это было именно в университете или в каком-нибудь другом месте?

— В университете.

— А вашу дочь зовут Елена, вы сказали?

— Совершенно верно.

— Елена Лосева, записал... Мы очень серьёзно относимся к подобной информации и самым надлежащим образом её проверим. В этом вы можете быть абсолютно уверены. Я дам соответствующее поручение нашему генеральному директору синьору Антонио Маркато и синьору Джузеппе Барбьери, возглавляющему Центр исследований по искусству России.

— Спасибо, буду очень вам обязан!

— Всегда к вашим услугам, мистер Лосев. Вы никому больше не рассказывали о синьоре Колюбакине?

— Нет.

— Могу ли я вас попросить и впредь, до выяснения всех обстоятельств, не рассказывать?

— Да, конечно.

— Хорошо. Был рад знакомству с вами, мистер Лосев. До свидания!

— До свидания!

Несмотря на повторную удачу, я понимал, конечно, что только человеческим вмешательством не смогу оградить жену и дочь от фантомов, порождённых зеркалами “Аквариума”, но опыт показал, что решение, идущее вразрез со схемой событий, навязанной “болотом”, как это было в случае с приходом Лилу в собор Сан-Марко, способно вывести человека из-под удара. Пусть и ненадолго. Впрочем, когда Ольга приняла второе такое решение — остаться в Венеции со Стригуновым, она избавилась от чар “Аквариума” на год, а сам ректор оправился от удара до такой степени, что смог приветствовать участников конференции филологов. Свободная человеческая воля всё-таки может противостоять воле виртуального мира. Осталось только понять, насколько свободна или, напротив, насколько виртуальна моя, Лосева номер четыре, воля. Вот я вошёл в квартиру с портфелем и чемоданом, а даже не знаю, не имеется ли в ней уже точно такие же чемодан и портфель моего предшественника, как это было в фильме “Солярис” с вещами героини. А у клона — какая воля? Клонированная. Я отправился в кладовку, где мы хранили чемоданы, и дубликата стоявшего в прихожей чемодана с некоторым удовлетворением не обнаружил. Значит ли это, что и я не дубликат? Едва ли, пока не разгадал природу перемещения вещей в пространстве “Аквариума”, но всё же... Я вернулся в кабинет, посмотрел в тот угол, в который обычно ставил портфель, — пусто. Стало как-то спокойней. Пока я не задумался: а где тот бедолага Лосев, что ночью отвёз жену в аэропорт? Лучше не думать...

Зазвонил мобильник, стоящий на подзарядке. Да, это Москва, где телефон — продолжение тебя самого, здесь долго помедитировать в одиночестве не дадут! Я подошёл, глянул: “Рыленков”, главный редактор литературно-исторического издательства, в котором я трудился редактором-надомником. Ну, вот, Лосев номер четыре, пора и за работу браться. Ещё бы знать, что я там наработал за год. Я ответил:

— Привет!

— Привет, Боря! Ну, я прочитал, наконец! Приезжай, обсудим. Сможешь в течение часа, а то у меня потом совещание?

Начинается... ЧТО он прочитал? Хотя чего я комплексую переспрашивать? Ну, забыл... Писатель, рассеянный человек... За спрос денег не берут, только раздражаются.

— Егор Петрович, уточни, пожалуйста, а что ты прочитал?

— Как что? Роман, который ты предложил!

Ах, вот как, я роман за год наваял... Жалко только, что сам его не читал. В моей первой жизни, перед поездкой в Южноморск, ещё и замысла нового романа не было.

— Ага! Понял, Петрович, еду!

Всё это чем-то напомнило мне мистическую историю с классиками, свидетелем которой я стал, когда в молодости работал в журнале. Мы сидели с поэтом Юрием Кузнецовым в кабинете главного редактора и выпивали. Перед этим Кузнецов, хотя был не с похмелья (с похмелья он напоминал Вяя, которому невмоготу поднять веки), попросил меня: “Борис, сходи, купи коньяку хорошего, ну, ты знаешь какого, и винограду”. В предпочтениях его — коньяк, виноград — сказывался вкус человека с юга. Впрочем, если бы он хотел просто выпить, то вполне мог довольствоваться и водкой, причём без всякого винограда и вообще без закуски. Юрий Поликарпович был одним из последних литературных могокан, что пили водку стаканами. А тут он закончил большую поэму и решил это дело отметить эстетично. Я купил, принёс, мы сели, выпили по первой, и вошёл Валентин Распутин. Ему нужен был главный редактор, а тот почему-то отсутствовал. Мы, естественно, пригласили Валентина Григорьевича за стол, и он присел рядом с Кузнецовым. Оба они были люди тяжеловатые на общение, — особенно если потенциальный собеседник тоже значительный писатель. Сидят, молчат. Это ведь не более чем литературоведческие измышления: как много могли бы сказать друг другу, например, Толстой и Достоевский, доведись им встретиться! Ничего бы они не сказали... Сидели бы, небось, точно так же, насупившись, с онемевшими языками. Я разлил, выпили, и Кузнецов, наконец, говорит: “Ну, что, Валентин. Я прочитал твою повесть. Ты знаешь, мне кажется, это никуда не годится”. Распутин удивлённо воззрился на Кузнецова: “Юра, я уже много лет не приносил в журнал никаких повестей...” Тут в глазах у Юрия Поликарповича что-то прояснилось, и я понял, что он просто находился в размышлениях о творчестве Распутина, и эти размышления перешли, может быть, за рамки реальности. Посмеявшись над новым литературным анекдотом, я решил, что Кузнецов в то время, когда произошёл этот эпизод, находился в своём привычном состоянии — сразу в нескольких слоях времени. Один слой — тот, в котором он физически пребывал, другой — тот, где он парил рядом со своей поэмой, а третий был связан с вошедшим Распутиным, человеком, более удачливым в смысле литературной славы. Мистичность же ситуации заключалась в том, что Валентин Григорьевич новую повесть, действительно, писал и года через два, когда Кузнецова уже не было в живых, принёс её в журнал. Не исключено, что Юрий Поликарпович “провидел” эту повесть. Зная его, я могу предположить, что она едва ли бы ему понравилась. Он не любил читать о мытарствах маленьких людей, даже, если они делают их “большими”. Оттого и высказался “авансом”.

Я в каком-то смысле оказался в положении Распутина: поеду выслушивать мнение о романе, которого в нынешней своей ипостаси ещё не писал, но который в другой жизни уже читал Рыленков.

Я посмотрел в окно, стоит ли на стоянке моя старенькая “школа”. Стояла. Ладно, поеду.

Спустившись во двор и постучав по скатам машины, я залез в салон и проверил зажигание. Заводится нормально, как и год назад, с абсолютно тем же подкашливанием. Бензину полбака. Можно ехать.

Я был уже в пути, когда снова позвонила жена. Она начала без всяких предисловий:

— Борис, выкладывай, как на духу, что у тебя было с этой Ольгой Витальевной!

“Ничего не было, кроме того, что в Венеции она лежала со мной голая”, — чуть не ответил я. Прочистив горло, я “прикинулся шлангом”:

— А кто это — Ольга Витальевна?

— А то ты не знаешь, кто! Твоя поклонница из местного университета!

— А, вспоминаю, ты говорила! Ну, у нас есть общие знакомые из Южноморска. А так — откуда мне её знать, если я сам никогда в Южноморске не бывал?

— А в Москве ты с ней не встречался?

— Нет, — честно ответил я.

Жена моя отлично чувствует, когда я говорю честно, поэтому градус её натиска несколько снизился.

— Если вы знакомы лишь заочно, то как объяснить её поведение по отношению ко мне?

— Что же это за поведение?

— Когда нас уже собрались везти в гостиницу, вдруг шагом бизнесвумен быстро входит эта Глазова, отводит меня в сторону и говорит, что произошла досадная накладка с моим номером в “Аквариуме”, он уже занят, и она лично отвезёт меня в другую гостиницу. Спросила, где мои вещи, сама взяла их и потащила, не оглядываясь, к выходу! Мне ничего не оставалось, как только догонять её. Нет, ты понял? И вместо комфортабельного номера я получаю обыкновенную комнату в гостинице при студенческом общежитии! Я просто растерялась! А Ольга эта как ни в чём не бывало говорит: “Вам повезло, вы живёте рядом с университетом!”

Я живо представил себе всё это и едва сдерживал смех. Молодец, Лилу! Мёртвая хватка, — то, что надо в такой ситуации.

— А может, и вправду повезло? А то моталась бы туда-сюда...

— Да я бы помоталась несколько раз! Особенно, когда возят на автобусе! За все годы жизни с тобой я ни разу не жила в пятизвёздочном отеле! В кои-то веки повезло, да не тут-то было! Кстати, а откуда тебе известно, что из “Аквариума” надо мотаться?

— Я тебе уже говорил, что кое-что знаю про этот отель. И очень рад, что ты не попала туда. Но я так и не понял: почему из всего случившегося ты сделала странный вывод, что у нас с Ольгой Витальевной что-то было?

— Ну, только дурочку из меня не делайте! Сначала ты мне говоришь, что нельзя жить в “Аквариуме”, а потом появляется Глазова и перевозит меня в другую гостиницу! Лишь она единственная смолчала, прикинувшись занятой, когда я стала спрашивать у всех, не исчезали ли в Южноморске участники конференции этрускологов. Остальные удивились и сказали, что никакой такой конференции у них не было, а гостила научная делегация итальянских этрускологов, никуда не исчезающая. Дальше — больше. В гостинице Ольга Витальевна вдруг стала любезной и ласковой и заявила, что для меня разработана руководством индивидуальная культурная программа, и она будет моим личным экскурсоводом. Ни много ни мало! Отчего бы это? А ведь поначалу она казалась такой неприступной, — даже после того, как спросила про тебя. А теперь — личный экскурсовод! И вот я сижу, жду, когда она посадит кого-то вместо себя в приёмной и заедет за мной в гостиницу, чтобы повезти посмотреть какое-то древнее городище и местный кафедральный собор. И зачем-то собирается знакомить с отцом Константином из этого собора. Говорит, что это очень важно.

Безукоризненная работа! Господи, прости меня за всё дурное, что я думал о Лилу!

— Не понимаю, что тебя здесь смущает. Другая бы радовалась такому вниманию...

— Боря... — Она вдруг замолчала, видимо, подыскивая слова. — Боря, это очень дурно, если она и впрямь твоя любовница и теперь... лично взялась опекать меня. Мне совсем неохота радоваться такому вниманию.

— Аня, послушай меня. Если я беспокоюсь о тебе, значит, именно ты мой любимый человек, а не какая-то любовница. Наличие любовницы обычно скрывают, а не подсылают её к жене. Пусть я не знаком лично с Ольгой Витальевной, но волей случая слышан о ней. Она хороший человек и единственная в университете, кто знает кое-что из того, что я тебе говорил о Южноморске. Думаешь, она просто так смолчала об этрускологах? Даже мне известна дурная слава об этом “Аквариуме” и некоторых сторонах жизни в Южноморске, но местные все молчат, словно воды в рот набрали. Им невыгодно говорить правду, бросать тень на конференцию и начальство. Ты можешь положиться только на Ольгу Витальевну и отца

Константина. Делай так, как они тебе советуют, и даст Бог, ничего плохого с тобой в Южноморске не случится.

— Боря, ты меня пугаешь! Почему ты говоришь загадками? При чём здесь отец Константин из местной церкви?

— Милая, он тебе сам всё объяснит. Не случайно же Ольга Викторовна хочет познакомить тебя с ним. Ты слышала, чтобы любовницы знакомили жён своих любовников со священниками? Зачем? Логичнее, наверное, наоборот, — когда жены водят любовниц каяться. Кстати, спроси у Ольги Витальевны её мнение о Дмитрие Евстигнеевиче Колобакине. Он ведь раньше работал в Южноморском университете.

Аня растерялась:

— О... Колобакине? Откуда ты... Тебе, что, Леночка звонила?

— Я ей звонил. — И прибавил для пущей достоверности: — Из прежних разговоров о нём я не понял, о ком именно идёт речь. А это дешёвый мистик и марихуановый наркоман. Спроси, спроси у Глазовой, чего ей врать? Ты же советовала Лене узнать о Колобакине поподробней! А как она узнает — сама, что ли, спросит? А он ей всё как на духу расскажет? Наивно, тебе не кажется?

— Боря... — Она задыхалась. — Я не понимаю, что происходит. Объясни мне, пожалуйста, всё с самого начала!

— Анечка, я за рулём, а впереди оживлённый перекрёсток. Не могу больше говорить. Езжай спокойно с Ольгой Витальевной на экскурсию. Есть такие вещи, что по телефону не расскажешь. Жду твоего возвращения, и помни, что люблю я только тебя.

Я отключился. На месте Ани я бы тоже не понял ни бельмеса и мучительно пытался бы уяснить смысл того, что мне говорили и вынуждали делать. Но я не знал, как по телефону объяснить ей всё, чтобы она поверила. Я даже не знал, как это сделать после. Нужно было просто прокладывать ей маршрут вслепую, а потом уж говорить, зачем она по нему шла. Или не говорить вовсе, если всё сойдёт благополучно.

Я припарковался у издательства на стоянке для сотрудников и вошёл в здание.

* * *

У главного редактора Рыленкова было прозвище “Человек с двумя трубками”. Он вечно говорил сразу по двум телефонам, прижимая трубку плечом к правому уху и держа смартфон левой рукой у другого уха. И туда, и туда он периодически говорил: “Минуту! У меня звонок по другой линии!” — и переключался на нового абонента, не покидая прежнего, и так общался с обоими по очереди, ни разу их не перепутав. Мог даже общаться и с тремя, если отвечал ещё и по второй линии смартфона. При этом свободной правой рукой он ещё умудрялся подписывать приносимые бумаги. Его стол и кабинет были завалены “сигналами” выпущенных книг — новыми и бывшими новыми, через месяц после выхода превращавшимися в старые. Он чувствовал себя среди их шпалер и башен комфортно, в своей стихии, и мог быстро найти в этих завалах издание, о котором почему-либо заходила речь. Сам же, как ни парадоксально, он впечатления книжного человека не производил, напоминая весёлыми веснушками, круглыми глазами и включенной шевелюрой повзрослевшего мальчика-хулигана из фильма Гайдая “Вождь краснокожих”.

— А, привет! — Он, как был, с двумя трубками у ушей, поднялся и протянул мне поверх книжных штабелей на столе правую руку.

Я осторожно, чтобы не устроить обрушения, пожал её.

— Ну, всё! — сказал Рыленков в обе трубки. — У меня люди, до связи! — Он бросил трубку, отключил мобильник, а по внутренней связи сказал секретарше: — Меня пятнадцать минут ни для кого нет!

Мне сильно повезло, что он позвонил сам, потому что ни по одной из трубок, естественно, дозвониться ему было практически невозможно. Оттого

я и приехал, не откладывая, несмотря на стрессы, поджидавшие меня в новой жизни.

— Боря, — без раскачки, как у него заведено, начал Егор Петрович, — ты нашу ситуацию знаешь. С продажами завал, а приближается лето, мёртвый сезон. Почти все серии зависли, кроме подписных.

Я слышал это каждый год весной, да и не весной тоже, однако кивал по привычке.

— С твоим романом, как всегда, будет проблема с поиском серии. Детектив не детектив, фантастика не фантастика, история не история, — всего понемногу. Нужна какая-то нейтральная серия. Есть у нас “Крутой сюжет”, и она пока идёт.

— Подожди, Петрович, — пробормотал я, желая каким-нибудь образом выведать, что же за роман я написал. — Вот ты сразу — продажи, серии... А что ты можешь сказать о самом романе? Тебе он хоть понравился?

— Так я к этому и веду! Крутой сюжет у тебя есть! Но как-то он подвис в конце. Нет, с главным героем всё понятно, но куда всё-таки исчезли эти этрускологи и венетологи?

Я онемел. Этрускологи и венетологи... “Аквариум” не дремлет! Значит, мой предшественник в реальности номер четыре написал роман про меня в реальности номер один? И прежний я именно в этом романе и жил? А сейчас вернулся по непостижимому в своей издёвке замыслу “Аквариума”?

Рыленков уставился на меня своими круглыми глазами, а я не знал, что ответить. То, что он спрашивал, мне и самому не было известно. Но ведь можно считать романом всё, произошедшее со мной в Южноморске и Венеции...

— Понимаешь... — откашлялся я. — Это — роман-загадка. И то, куда исчезли учёные, — часть загадки. Что же останется читателю, если я её раскрою? А потом, исчезли ли этрускологи совсем? Разве непонятно, что, исчезая, они появляются в других местах? — Я покосился на Егора Петровича, желая узнать, понятно ли это на самом деле в романе.

— Ну, допустим, — кивнул он. — Тогда другой вопрос: а зачем они исчезают?

Эх, ушлый Рыленков! Смотрит в корень! Да кабы я знал, зачем?

— Потому что... потому что прикоснулись к тайне. Не будучи её достойны. — Я поймал себя на мысли, что говорю уже не столько для Петровича, сколько для самого себя. — Они ведь все научные клерки и думают, что загадки истории — не более чем материал для их статей, книг и диссертаций. Когда они, выстроив логическую цепочку из источников, выдвигают предположения, почему исчезли этруски, они ни на секунду не допускают мысли, что могут исчезнуть и сами. Ведь они исследователи, а исчезают только исследуемые. Это даже смешно: если в истории пропадали неведомо куда целые народы и отдельные люди, разве не может это случиться внезапно с каждым из нас? И тогда вопрос: “Почему исчезли этруски?” — становится практически тождественным вопросу: почему исчезли этрускологи? Одни исчезли по той же причине, что и другие. Этруски — потому что уже не были этрусками, этрускологи — потому что так и не стали этрускологами. Никто не пропадает просто так. Народы, ушедшие из истории, не сразу исчезли, а долго выцветали по краям, пока не выцвели совсем. Как мы, русские, сейчас выцветаем. Вроде мы ещё есть, но уже просвечиваем на солнце. Мы уходим постепенно в зазеркалье истории, и оттого такой обострённый интерес к нашим возможным пращурам, ушедшим туда ранее, — этрускам, ретам, норикам, венетам.

Рыленков задумался, постучал пальцами по столу.

— Ага. Помнится, что-то такое и твоя героиня говорит герою: дескать, делегаты исчезают потому, что они не настоящие историки, а ты настоящий. Но эта мысль кажется случайной. Может быть, её как-то развить? В финале, например?

— Надо подумать.

— Давай, время ещё есть, летом мы всё равно книг выпускать не будем. — Он достал из ящика стола папку с рукописью. — Возьми. Да, подумай ещё и над названием. “Этрусское не читается” не очень подходит для “Крутого сюжета”.

“Этрусское не читается”? Неплохо назвал.

— Для “Крутого сюжета” больше подходит, наверное, какая-нибудь “Этруская гробница”.

— Ничего! Но ты, уверен, придумаешь лучше.

В другой жизни я поспорил бы и насчёт правок, и насчёт названия, но очень уж хотелось завладеть рукописью, протянутой Рыленковым. Я взял её и откланялся.

— Ты когда закончишь редактировать “Историю Русов”? — в спину мне поинтересовался Егор Петрович.

— Э-э-э... — Разумеется, я слыхом не слыхивал ни про какую “Историю Русов”. — Через неделю принесу.

— Давай!

Я не стал заходить в исторический отдел, к которому был приписан, направился сразу к выходу, но не тут-то было.

— Боря! — окликнул меня редактор Николай Рыжих. — А ты мне как раз нужен. Пойдём, я покажу тебе такое, что ты закачаешься!

Ко всяким неожиданностям я теперь относился с некой внутренней дрожью. Чего мне качаться, если я и так едва на ногах стою от садистских шуточек “Аквариума”!

— Ну, пойдём, — неохотно кивнул я.

Коля Рыжих внешне напоминал того бородатого русопята из Южноморска, что острил на пресс-конференции. Может быть, и не только внешне. Он написал полдюжины книг о древних корнях русского народа. Выведа его сначала, по неписаной традиции, из этрусков, он потом перевёл свой пытливый исследовательский взор на скифов, сарматов, мосхов, готов... В последней книге он увлёкся хеттской версией. Она не пользовалась в народе особой популярностью, потому что те, кто после книги Коли начинал “влезать” в хеттов, и близко не находили там таких параллелей, что всё же имелось между этрусками и русскими. Пожалуй, в санскрите было больше русского, чем в хеттском языке. Но Рыжих не отчаивался и упорно продолжал возделывать хеттскую делянку. Ему не хватало системных знаний, зато в избытке хватало энергии.

Мы зашли к нему в исторический отдел.

— Ну-ка, погляди на фотографии, — он потянул меня к массивному горбатому монитору — типа тех, что стояли на кафедре у Колобакина.

Я увидел на экране изящные, разноцветные наконечники стрел из камня и искусство, даже, можно сказать, эстетично сработанные каменные топоры — длинные, продолговатые, с обухом-молотком. Они казались совершенно новыми.

— Нравится?

— Конечно, классные вещи.

— Найдены недавно вот в этом захоронении. — Рыжих открыл фото вырытого в песчанике могильника, с деревянным погребальным ящиком, в котором лежал полурассыпавшийся скелет. — Как ты думаешь, сколько ему лет?

— Очень много, судя по состоянию костей и дерева камеры.

— Четыре с половиной тысячи лет! Примерно тогда же была построена пирамида Хеопса! А где это найдено, по-твоему?

— В Европе, полагаю, судя по гробу.

— В Павловской Слободе Московской области!

— Да ты что?!

— А теперь скажи мне: похоже это на грубые орудия угро-финнов, которые якобы исконно жили здесь?

— Нет, у них совершенно другая форма топоров, плоская.

— Да, потому что эти топоры — боевые. А погребальные сосуды, найденные там же, в могильнике, относятся к шнуровой керамике. Значит, это фатьяновцы, старик, предки праславян, первые скотоводы и земледельцы на Русской равнине!

— А они точно предки праславян?

— Конечно! Фатьяновцы — представители неразделённой ещё балто-славяно-германской общности! А прямые потомки фатьяновцев — так называемая голядь, праславянский этнос. Вот эти кости позволят, наконец-то, сделать ДНК фатьяновцев и заткнуть рот тем, кто отрицал их протославянство. Останется выяснить последнее звено — связь голяди с хеттской цивилизацией.

— А такая возможна? Где хетты, а где голядь?

— Старик, где хетты, а где готы? Однако это не мешает многим считать готов миграционным потоком хеттов. Откуда, по-твоему, название рек Яуза и Лама? Не сидели ли на них во времена оны вассалы хеттов — ялузы и эламцы? Я думаю, что на этой территории обосновался в древности племенной индоевропейский союз во главе с мосхами, наследниками цивилизации хеттов. Ты знаешь, что в верховьях Волги, в нескольких километрах от Дубны, находится город с названием Кимры?

— Ну, знаю.

— А о народе кимвры или кимбры ты знаешь? Так вот, он, по мнению Рейтенфельса, родственен мосхам. Кстати, одна из распространённых фамилий в Подмосковье — Кимряковы, потомки выходцев из тех самых Кимр. Хеттиты, мосхи и голядь — вот прародители славянства.

— А вот, скажем, венеты?

— Венеты — потомки мосхов.

— А этрусски?

— Они и есть хеттиты.

— “Русы не пьют с хеттами”, — пробормотал я.

— Чего?

— Да так, ничего, к слову.

— Слушай, вот насчёт этрусков я и хотел с тобой ещё поговорить. Ты ведь изучил этрусский алфавит?

— Более или менее.

— Мне потребуется твоя помощь. — Он приблизил губы к моему уху. — “Чёрные археологи” доставили мне ценнейший артефакт: каменную табличку с этрусскими письменами.

— Неужели? — поразился я.

— Да. И знаешь, откуда? Из Карпат.

— Не может быть!

— Может, старик. Помнишь ватиканскую карту? Ты же сам о ней писал в своей книге. Мы на пороге величайшего открытия. Поможешь мне составить транскрипцию надписи?

— Помогу, конечно, если это не фейк.

— Ты слышал хотя бы об одном этрусском фейке? Замучаешься его делать, да ещё справа налево! Впрочем, из транскрипции и станет ясно, фейк это или нет. Надпись ещё можно подделать, а вот содержание... Нам так не хватает археологических свидетельств! Ты знаешь, что их намеренно уничтожают? В Германии, как говорил Глазунов, когда находят что-то славянское, то сразу снова закапывают, а там всё славянское до самой магмы! Да что там Германия? Где в наших учебниках истории что-то о фатьяновцах, о голяди? А ведь находка в Павловской Слободе далеко не первая! А где, скажи на милость, “Древняя Российская история” Ломоносова? Ну, ладно, мы якобы недоучки и фантазёры, как утверждают русофобы, а гений Ломоносов — тоже? Этого они утверждать не осмеливаются, поэтому просто загнобили его “Историю”, не допуская переизданий! Ломоносова, на минутку! Мы живём в государстве, где невозможно достать первый учебник русской истории — “Синописис” Иннокентия Гизеля! А почему? Да потому что там написано не то, что у Карамзина! А ведь Гизель не сочинил ни слова, он просто привёл свидетельства античных и средневековых историков! Петр I учился по “Синописису”, а нам нельзя! Со времён норманистов нам всячески пытаются подрубить исторические корни, чтобы мы не ощутили себя великим древним народом. Здесь всё идёт в ход, не только война, политика, экономика! Нам ещё подсовывают фейковую историю с принижением всего русского, чтобы удобней было поработать! А что же мы? Да,

нам трудно противостоять русофобам на пропагандистском ристалище, потому что ими захвачены почти все СМИ. Но мы должны бить их фактами. Факт можно замалчивать, но его не изгонишь, к примеру, из интернета! Он *упрямая вещь*, как говорил товарищ Сталин, стоит, как утёс, о который разбиваются домыслы. Факт подтачивает пропаганду, и, чем больше фактов, тем больше они её подтачивают. Вот у нас с тобой в руках сейчас два таких факта о многотысячелетней истории русского народа — один бесспорный, с другим ещё надо разбираться. Одному мне трудно, а официальным этрускологам я не верю. Так что помоги, старик.

— Да нет проблем. Только знаешь, я сегодня подумал во время разговора с Рыленковым, что силу в прошлом ищут те, кто слабеет в настоящем. Мы разучились смело смотреть вперёд, поэтому всё оглядываемся назад. А там, позади, бывало разное... Возьмём нориков Нестора-летописца: ведь с ними произошло то же самое, что и ныне с западными славянами — они подчинились латинскому миру. Я уже не говорю об этрусках. Кого только не записывают им в родственники! Это, как в твоём этногенезе русских, — хеттиты, мосхи, голядь... Сравниваешь ранние и поздние этрусские надписи и видишь, как народ буквально растворялся в перенасыщенном растворе этногенеза. Именно растворялся, а не просто подчинялся конкретно кому-то. И мы, глядя назад, обречены исчезнуть в тени нориков и этрусков, потому что история — это движение вперёд. Она нас утянет за собой в могилу, голядь эта... Соединяя звенья разорванной цепочки, мы думаем, что, держась за неё, пойдём вперёд, но ведь она тянется назад в прошлое, а не в будущее. В будущее мы должны идти сами, без страховки.

— Что значит — без страховки? Иванами, не помнящими родства? Да ведь двигались же так в советское время! И что? Нет, мы должны знать, откуда идём, чтобы понимать, куда идти дальше! “Маршрут построен!” — говорит тебе навигатор, когда ты вбиваешь в поисковик улицу. А если бы в нём не было этой улицы?

— Ладно, это я так, поделился впечатлениями... Когда же приступим к изучению древности?

— А давай завтра, чего откладывать. Можно, я с ним подъеду прямо к тебе? У тебя кабинет есть, никто не помешает, а у меня, сам знаешь...

— Да не только кабинет, вся квартира в нашем распоряжении. Жена в Южноморске, дочь в Венеции. Только учти, сама по себе транскрипция мало что даст, нужен специалист для перевода, а этрусское, как известно, не читается.

— Оно не читается, чтобы разные козлы не могли прочесть. Главное — начать! А там подтянем и специалистов.

— Ну, тогда до завтра.

* * *

Дома я с нетерпением открыл “Этрусское не читается”. Точнее, “*Етрусское не читается*”, с выделенной латиницей приставкой — в духе моего выступления в Южноморске. Никогда в жизни я не читал ничего подобного. Всё это, от первой фразы: “Впоследствии выяснилось, что сорок девять человек исчезли ещё вечером...” до последней: “... взял чемодан и портфель и шагнул в пустоту зеркальной рамы”, — было абсолютно точным воспроизведением того, что я пережил в Южноморске и Венеции. Только героя звали не Борис Лосев, а Глеб Конев. Я читал, не отрываясь, до самого вечера, ощущая гуляющий под волосами сквознячок ужаса. Лосев номер пять, переживший меня на год, сочинил то, чего *не знал* и знать не мог, а я испытал воочию. Я оказался внутри этого романа, написанного мной самим в будущем. Не исключено, что я по-прежнему пребывал в нём, точнее, был его живым продолжением (или окончанием, о необходимости которого намекал Рыленков). Похоже, тот я, что прилетел год назад на конференцию в Южноморске, существовал только потому, что меня придумал другой я, пропавший после того, как отвёз жену в аэропорт. Что же, он, пятый, и есть

настоящий Лосев, а я и те, что были в падающем самолёте и в Венеции, — не более, чем плод его воображения? Но, как ни велико было моё потрясение от романа-были, низводящего меня до литературного фантома, каким-то отдалённым уголком сознания я спрашивал себя: а не очередной ли это трюк “Аквариума”? Скажем, для шизофреника раздвоение личности — реальность, а для окружающих — не более, чем его галлюцинация. Может быть, мне навязываются галлюцинации, одной из которых является ненаписанный мной роман?

Я взвесил рукопись в руке: легко сказать, галлюцинация... И квартира эта — галлюцинация? Я походил по пустым комнатам, постучал в зеркала — непроницаемы. Потом пошёл на кухню, поужинал, чем Бог послал, и лёг спать, не думая более ни о романе, ни об “Аквариуме”. Я здесь, жена — в Южноморске, дочь — в Венеции, и обе они в опасности. Вот из чего надо исходить, ничего другого в этом ответвлении лабиринта мне не дано.

Утром я первым делом позвонил Ане, но она сбросила вызов и прислала СМСку: “Я на конференции, не могу говорить. Всё в порядке”. Ну, если на конференции, то, наверное, и впрямь всё в порядке. Один факт, что она началась, говорил о том, что участники не исчезли. Подумал, не набрать ли Лену, но так и не решился, — не знал, с какого боку к ней подступиться.

Сварив кофе, я занялся поисками записей, которые делал, работая над главой об этрусках, чтобы быть во всеоружии, когда явится со своим артефактом Рыжих. И только найдя их, сообразил, что копался в бумагах здешнего Лосева, как в своих, не озаботившись, а писал ли он вообще книгу о праславянах. Значит, тоже писал, да и Коля не стал бы ко мне обращаться насчёт этрусков, если бы не было той главы. Похоже, жизнь Лосева номер пять до 25 апреля прошлого года протекала так же, как и у меня.

Я проштудировал заново этрусский алфавит и взялся за наиболее часто употреблявшиеся слова, переведённые Бором и Томажичем, как позвонила Лена. Я схватил телефон:

— Привет, дочка!

— Папа, что происходит? Вечером приходит СМСка от мамы: “Доченька, слушайся советов папы. Колюбакина в Южноморском университете знают, говорят, он дурной человек”, — а утром его увольняют! Оказывается, в их Центр пришли вчера с проверкой секьюрити из университета и нашли в его столе траву и порошок, а в компьютере — фотки голых студентов. Меня с Таней тоже спрашивали о нём: приставал ли с домогательствами? предлагал ли курить марихуану? нюхать кокаин? Так он звонит мне буквально пять минут назад и говорит злобно, чуть не шипя: “Это всё твой папаша! Он ещё об этом пожалеет! Он не увидит больше никогда ни тебя, ни твою мать! А вы с ней никогда уже не вернётесь в прежнюю жизнь! Вас всех ждёт болото, и пропадёте вы в нем поодиночке!” Нормально? Я в шоке! Ты что, правда, имеешь отношение к его увольнению?

— Конечно, имею. Каково мне было узнать, что этот болотный хмырь хочет жениться на тебе? Только я не просил его увольнять. Но, может, так и лучше. Дочка, не бойся. Он мелкий бес, а они не всеильны. Скачай из интернета молитву против бесов “Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...” и читай её всякий раз, когда почувствуешь или увидишь недоброе. А ещё лучше, сходи в русскую церковь, она в Венеции есть, исповедуйся и причастись.

— Пап, ты серьёзно?

— А Колюбакин этот угрожал тебе несерьёзно? Я тебе предлагаю то, что мне самому помогло в Южноморске, когда общался с ним. Всё, что можно сделать человеческими средствами, уже сделано благодаря ректору, но против вещей сверхъестественных это не действует. А Колюбакин имел в виду вещи сверхъестественные, не правда ли? Как обычный человек, будучи в Венеции, может устроить так, что не только ты, но и мы с мамой, находясь в России, пропадём в некоем болоте? Ты его-то спросила, серьёзно ли он говорил?

Она помолчала, дыша в трубку.

— Пап, ты думаешь, он стал ухаживать за мной, чтобы досадить тебе по старой памяти?

— Ни на секунду не сомневаюсь в этом. Нет, ты девушка красивая, но он выбрал тебя не за красоту, а по воле пославшего его.

— А кто его послал?

— Какой-нибудь другой бес, покрупнее. У них же там иерархия, они её у ангелов скопировали, когда Господь изгнал с небес их главного начальника.

— Слушай, я в двадцать первом веке?

— Леночка, у них там времени нет или оно совершенно другое. То, что у нас век, у них — минута. Большинство сумасшедших, как считают в церкви, бесноватые, а сумасшедших в двадцать первом веке не стало меньше, чем раньше. И их не лечат: ты видела хоть одного исцелённого медициной душевнобольного? Я — нет. “Сей род лукавый, бесовский изгоняется только молитвой и постом”, — говорит Христос о демонах-искусителях в Евангелии от Матфея. Первый век и двадцать первый — а всё одно и то же, ничего не изменилось. Я-то и сам не праведник, и тебя не научил молиться, и не умею, как показал опыт, серьёзно противостоять искушениям... Но для тебя мне бы хотелось иного.

— Ну, не знаю... Какая, ты говоришь, молитва? “Бог да воскреснет”?

— “Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его...” Просто набери в поисковике начало молитвы и скачай полностью. Вы когда возвращаетесь?

— Первого мая.

— Хочешь улететь раньше? Я закажу тебе билет.

— Да как-то неудобно перед нашими будет... И трусливо: получается, он меня напугал, и я сразу убежала... А потом — это же Венеция, когда ещё приеду... Я лучше схожу в русскую церковь.

— Да, пробей её адрес в интернете. И сразу звони, если что не так!

— Хорошо.

— Давай, дочка, я тебя люблю!

Я встал, подошёл к иконе с ликом Христа. Глаза Его смотрели мне прямо в душу. Я сказал Леночке то, во что верил и в прежней жизни, но говорить стеснялся, хотя не стеснялся говорить людям разные гадости. Просто одно дело — умом понимать Бога, а другое — верить, что только Он тебе поможет. Сейчас был именно такой случай. Да, я могу кое-что с помощью добрых людей — Лилу, ректора Буглеси... Но что я против волшебства тёмных сил? Тем более, что я и сам был терзаем сомнениями. Даже сейчас, стоя перед иконой, не мог я изгнать давно одолевавшую меня мысль: а только ли лукавый заправляет в “Аквариуме”? Случившиеся в нём истории напоминали притчи, данные мне и другим (Лилу, например) в назидание. Но я не хотел верить, что так играет с нами Бог. Но я не верил и в то, что дьявол помогает мне выскакивать из ловушек. А может быть, в многослойной реальности “Аквариума” происходит то же, что и в жизни, где широко открыты только врата зла, а спасительную дверку добра ещё надо поискать? Только Зазеркалье являл в образах суть духовной брани, а не её заглушённый повседневностью шум, как в Предзеркалье?

Запиликал сигнал домофона. Это пришёл Рыжих.

Я впустил его, открыл дверь, и он через пару минут, громко топая, внёс в прихожую плоскую картонную коробку из-под большого телевизора-плазмы.

— Поставь и разувайся, — сказал я, — а то моих женщин нет, убирать некому. А потом давай сюда, направо, я там стол расчистил. Тебе помочь?

— Я сам. — Коля, пыхтя, втащил в кабинет свой груз, осторожно опустил на стол. — Ну, старик, ты присутствуешь при историческом событии! Будет о чём написать в мемуарах! А то либерасты всё мне: самоучка! Шлиман тоже был самоучкой! Дай ножницы, надо взрезать скотч.

Он вскрыл коробку. Под крышкой покоилось нечто длинное, упакованное в пупырчатый пластик. Развернув его, он широким и, несомненно, отрететированным жестом пригласил:

— Смотри!

Я подошёл. Передо мной лежала плоская старая каменная плита размером примерно восемьдесят на тридцать, — по всем признакам, надгробная.

На ней был высечен в профиль воин в древнегреческом гребенчатом шлеме, так называемом коринфском. Из-под козырька каски высовывался длинный нос, а выше таращился большой глаз. В левой руке мужчина держал круглый щит, украшенный изображением цветка с шестью лепестками, в правой — двусторонний топор-бабочку, который греки называли лабрис, скифы — саварис, а римляне неприлично — бипеннис. Между босых ног воина торчал пылающий наконечник копья, указывающий либо на обряд кремации, либо на негаснущую в веках славу героя. По краям плиты шла надпись этрусскими письменами, начинающаяся справа, продолжающаяся вдоль нижнего края и завершающаяся наверху слева.

Я изучил камень так и сяк. Никаких сомнений в солидном его возрасте не было, судя по характерно раскрошенным, без свежих сколов, углам плиты. Я зажёл настольную лампу, чтобы лучше видеть изображение и надписи. Их линии-насечки, местами полустёртые, тоже вроде бы соответствовали общей структуре камня, хотя уверенно мог сказать только археолог-профессионал.

— Ты где это взял? — спросил я у Рыжих.

— Хохлы привезли, в Карпатах откопали. Ну что, давай, срисовывай письмена, делай транскрипцию!

— А мне и срисовывать не надо такую чёткую надпись, я тебе прямо с плиты прочитаю.

— Да ну? — недоверчиво прищурился Коля.

— Записывай, если хочешь. — Он кивнул и торопливо вытащил из кармана растрёпанный блокнот и ручку. — Итак... “Авлеш Белушкеш т уснут е... панал аш минимул... у вани ке хир уми аберсна х се”.

Бородатое лицо Рыжих вдохновенно побелело.

— “Тут уснут е!” — вскричал он, как безумный. — “Тут уснул есть!” Вот как, значит, говорили этруски с Карпат!

Глаза его сияли неземным светом: он, несомненно, был на самом вершине волны счастья:

— Вот бы понять, что дальше! Ну, ничего, со временем переведём!

— Да зачем со временем? Я и сейчас могу. Первую строку ты сам перевёл: “Авлеш Белушкеш тут уснул...” А дальше: “пановал, пока не минул... в небесах пусть тягости ума прояснятся”.

— Лосев, ты сила... — прошептал Коля. — Не зря, не зря я на тебя понадеялся! Беру тебя соавтором главы! Только что это там за “у вани”? Прямо как “у Вани” какого-то!

— “В небе”, “в небесах”. Слово “ван” в этом значении очень часто встречается в венецких надписях.

— А вот и связь этрусков с венецами! — ликовал Рыжих. — Понятно, а что означает вот это — “абесна”?

— На старословенском *obrsne*, *obergne* — “разъяснить”, “разъяснилось”.

— Ты и старословенский знаешь?

— Нет, не знаю. — Мне ужасно не хотелось разочаровывать его, переживавшего один из лучших моментов в своей жизни, но тянуть дальше было просто жестоко. — Но Матей Бор, очевидно, знал.

— Матей Бор? А при чём...

— Он уже переводил эту надпись. Оттого я и шпарю без запинки. Но учти, расшифровывал её и итальянец Паллоттино, а он разбивал слитную фразу на слова по-своему. Соответственно, и смысл у него другой.

— Ещё и Паллоттино?.. Да откуда они взяли надпись?

— Из Музея археологии во Флоренции, где стоит оригинал этой стелы, найденной в этрусском городе Ветулония. Только там, она, наверное, побольше. А твои “чёрные археологи” с Карпат сварганили подделку в масштабе обычной надгробной плиты. Я так полагаю, что они изготовлением могильных памятников в основное время и занимаются. Слишком хорошая работа с камнем. Выбитые линии надписи и рисунка зашкурили или как-то ещё удревнили. Может, кислотами какими обработали.

— Не может быть, не верю! — замотал головой Коля.

— Увы. Вот тебе доказательство. — Я полистал свои этрусские материалы и достал ксерокопированную страничку с переводом Бора и фотографией стелы. — Гляди.

Он застонал и закрыл лицо руками.

— Да ты не убивайся так! Ведь сама надпись — подлинная. Они со знанием дела выбрали исходник праславянского периода этрусков, седьмого — шестого веков до нашей эры. Поздние-то надписи практически не переводятся. Можешь вставить этого Белушкеша в свою концепцию.

— В концепцию? За пол-лимона?! Я им пол-лимона отдал, а просили лимон! Я кредит взял!

Я крикнул.

— Господи, да почему ты меня не позвал на смотрины?

— Они запретили приходить с кем-то ещё. Сказали, что боятся огласки, потому что незаконно вывезли плиту с территории Украины.

— А сфотографировать ты мог?

— Не разрешили! По той же причине! Сказали, если ты понимаешь в этом деле, смотри и оценивай сам, а если не понимаешь и сомневаешься, не стоит тебе париться, мы продадим другому ценителю, без скидки.

— На арапа взяли! А как ты вообще на них вышел?

— Хохлы тоже себя считают потомками этрусков, у них даже сайт специальный есть, через него и вывели на продавцов... Слушай, брат, выручай! Поедем к ним сейчас, отдадим плиту и потребуем вернуть бабки! Ты будешь изображать эксперта! “Ксеру” эту не забудь взять!

— Да ты что, тут полиция нужна! Так они и отдали тебе деньги!

— Нельзя мне светиться в полиции, я по уши в кредитах! За мной по пятам приставы и коллекторы рыщут, я дома не живу! Спасибо Рыленкову, держит меня в издательстве анонимно!

— Кто же тебе кредит на пятьсот тысяч дал, если ты числишься в базе как неплательщик?

— Есть такие экспресс-банки, где только паспорт требуется. Пол-лимона там, конечно, не дадут, да я ведь не в одном месте брал... Вся надежда на тебя, Сергеич! Как я сунусь к хохлам один, когда их двое? А двое на двое — другой расклад! Ты их ещё и припугнёшь полицией, небось, на рожон не полезут!

— А откуда ты взял, что они сидят и ждут тебя? Да их уже и след простыл!

— Не простыл! Одному из них позвонили, когда я там был, спросили, видимо, когда вернётся, и он сказал — двадцать седьмого. Сегодня — двадцать шестое! Не бросай меня, брат! Мне без тебя крышка!

Моим первым и самым искренним желанием было решительно отказаться от этого сомнительного плана. Я уже открыл рот, чтобы сказать: “Не валяй дурака, звони в полицию, всё равно приставы и коллекторы рано или поздно тебя найдут. Не всю же жизнь тебе бегать! А с помощью полиции, может быть, вернёшь свои пятьсот тысяч, отдашь последний кредит”, — но тут вспомнил, что я в “Аквариуме”. А в “Аквариуме” нужно помогать попавшим в беду, как Лилу мне с женой помогла. Чтобы самому не пропасть. Да, да, полицию вызвать надёжнее, но ведь полиция — это способ переложить на другие плечи то, чего просили у тебя. А если полиция сработает вхолостую, а Рыжих в итоге попадёт в хищные лапы кредиторов? Что тогда? Мы только любим говорить друг другу, что мы русские, а как дойдёт до дела, поступаем не по-русски. У меня просто не было другого выхода.

— Ладно, уговорил, — буркнул я.

— Боря, ты мужик! — обрадовался он. — Я и не сомневался!

— Куда ехать-то?

— В Химки, на левый берег, там они хату снимают. У тебя есть травмат?

— Чего?

— Ну, травматический пистолет.

— Нет. А зачем?

— Так, для убедительности. Может быть, ножи взять?

- Кухонные, что ли? И бейсбольную битку в придачу? Ты очумел? Нет, с ножами я не поеду.
- Хорошо, хорошо, поедем без ножей!
- Тогда упаковывай своего Авлеша Белушкеша номер два.
- Он упаковал, мы оделись, и я помог Коле спустить плиту вниз. Она была тяжёлая: как он тащил её ко мне один, без машины? Мы пристроили коробку в багажник, сели, я завёл двигатель.
- Ну, с Богом. Ремешок пристегни. Надеюсь, не накостыляют нам. Они здоровые?
- Здоровые. Молодые.
- Как их зовут-то?
- Одного Валера, другого Олег.
- Ну, и, конечно, никакой от них квитанции или расписки ты не получил?
- Нет.
- По понятиям, значит, будем разбираться. Нда... Может, нам кого-то третьего следовало прихватить, погабаритней?
- Из писателей? Да кого? Все хилые и больные.
- Это было правдой.
- Мы ехали некоторое время в молчании, потом Рыжих вдруг спросил:
- А что за имя такое у этого воина португальское? И фамилия... Португальцы тоже потомки этрусков?
- Я засмеялся:
- Вряд ли. Да и Авлеш едва ли имя этого Белушкеша.
- А что же это?
- Существительное “покойник”, как предполагает Бор. “Авил” по-этрски — “умер”. А по-старославянски — “убыл”. Вариант — “увял”.
- Так наши Авилы — “покойники”, что ли?
- Ты слышал хотя бы одну нашу фамилию, связанную с покойниками? От Вавилы, наверное, эти Авилы.
- Разговор о покойниках не способствовал улучшению настроения. Начался мелкий противный дождь, когда мы выехали на Кольцевую. От придавивших нас к земле туч было темно, хмуро; я бы даже подумал, что уже вечер, если бы часы не указывали на полдень. Московская погодка — это тебе не Венеция! За развязкой въехали в Химки. Меня вёл навигатор по адресу, сообщённому Колей. Да, не зря я сравнивал Местре с Химками! Свернув с Библиотечной улицы налево, мы оказались словно в местренской промзоне, только жилых домов было побольше. Электронная женщина-поводырь гнала нас извилистыми путями по одинаковым, как на подбор, дворам, перечёркнутым трубами теплоцентрали, пока Рыжих не указал на неприметную, серенькую пятиэтажку с кустарно застеклёнными балконами:
- Здесь!
- Тут же и навигаторша сообщила, что мы у цели.
- Я припарковался. Достали из багажника плиту. Рыжих подошёл к домофону:
- Наберу другую квартиру, чтобы заранее не дёргались. — Он нажал кнопки.
- Кто это? — прочирикал через некоторое время старушечий голос.
- Почта, откройте, пожалуйста!
- Замок щёлкнул. Мы втиснулись с коробкой в узкий подъезд, на стене которого зевали сломанные почтовые ящики, уставшие ждать почтальона.
- Второй этаж, — вполголоса сообщил Коля.
- Мы поднялись, неся плиту плашмя: он спереди, а я сзади. На тесную лестничную площадку выходили двери трёх квартир. Рыжих позвонил в левую, обитую зелёным дерматином, простёганным на советский лад обойными гвоздиками. Послышались шаги, остановились у двери. Кто-то, очевидно, изучал Колю в глазок, а потом спросил на суржике.
- А, это снова вы? Забыли шо-нибудь?
- Забыл, откройте.

Дверь приоткрылась, но лишь на длину накинутаго цепочки. На нас уставился выпуклый глаз небритого парня с зализанными наверх тёмными волосами.

— А шо забыл-то?

— Бабки свои забыл. Забирайте обратно своего Берлускони, он поддельный. Мой эксперт установил. — Рыжих указал на меня. — Его зовут Борис. А это — Олег.

Парень повёл блестящим глазом в мою сторону.

— Какого ще Берлускони?

— Алвеша Белушкеша, — уточнил я, ослабившись. — Воина с проданной вами надгробной плиты, оригинал которой находится во Флоренции. Может, мы войдём? А то как-то неловко о таких вещах на всю лестничную клетку разговаривать.

Парень переводил глаз с меня на Колю, а потом обернулся в глубину квартиры:

— Валера, в нас гости! — После чего откинул цепочку. — Ну, заходите.

Мы занесли плиту в прихожую, опустили на пол и прислонили к стене. В тусклом свете лампочки-шестидесятиваттки я осмотрелся. Коридорчик вёл в затрапезную “двушку” с пожелтевшими, а кое-где и отклеившимися обоями. В комнате, о косяк двери которой опирался впустивший нас Олег, просматривались какие-то клетчатые баулы и советский шкаф с вываливающимися скомканными шмотками, поскольку дверцы его отродясь не закрывались.

— Шо за гости? — Из двери другой комнаты — слева, напротив ванной, — вышел второй парень, постарше, поименованный Валерой. Был он носат, лысоват, кривоног и столь же крепок, как и встретивший нас Олег. Оба были одеты примерно одинаково: чёрные джинсы и такие же футболки.

— Я, Николай, а это Борис, эксперт. Рекламацию пришли предъявлять на могильные плиты, которые вы продаёте за пол-лимона. Ну, мы так и будем стоять? Или как? — Не дожидаясь согласия, Рыжих прошёл в комнату мимо Олега, вынужденного посторониться.

Я последовал за ним. В помещении пахло плесенью и ещё чем-то кислым. Углом к шкафу с косыми дверцами, который я видел из коридора, стоял раскладной диван из “Икеи”, рядом — стол, заставленный пивными банками и бутылками (сплошь “Черниговское”, производимое у нас в Мордовии), два стула. Коля огляделся и сел на диван, а я — на стул.

— Вы, хлопцы, как не славяне, — заметил Рыжих двум плечистым силуэтам, так и оставшимся стоять в дверях. — С гостями не здороваются, в хату не приглашаете.

— А мы гостей не звали, — с сильным “гэканьем” отозвался Валера. — И не ждали. Ты получил доску, мы получили деньги. Чего нам в гости друг к другу ходить?

— Да вот пришлось. Доска-то поддельная. И найдена не в Карпатах. Вот тебе эксперт подтвердит, — он кивнул на меня.

— Оригиналу этой плиты обнаружен в Италии, — вступил я, — и хранится в Музее археологии во Флоренции. Вот, смотрите. — Я протянул им “ксеру”.

Они подошли вразвалочку, мельком глянули.

— Ну и шо? — пожал плечами Олег. — А хто вам сказал, шо в этой Флоренции находится оригинал?

— Наука археология. Плита с фотографии давно уже в музее. А вы когда якобы нашли эту?

— Это не мы её нашли, а наши друганы с Карпат, — заявил Валера. — Они сами археологи. И за этрусских знают побольше вашего. Этот, — он ткнул пальцем в Колю, — заказал в них доску в интернете, а мы её привезли. И нам по барабану, где она там ще находится. Хлопцы трудились, копали, а мы таскали её через кордон. Если вы за гроши базарите, то мы ему скинули пятьсот кусков, а это невозвратный тариф.

— Ещё какой возвратный! — возмутился Рыжих. — Мне не нужна обыкновенная могильная плита за пятьсот тыщ. Я не ради неё в кредиты

влез. Берите свою доску и отдавайте деньги. Можете потом продать её за лимон, как хотели.

— Слухай, мужик, я её не подделывал. Да якби и подделал, ты прикинь, сколько камень стоит, работа, транспортировка! Я тебе шо, простой булыжник с самой Украины привёз?

Тут в комнате кто-то запел: “Валера, Валера!” Мы с Колей завертели головами, а Валера достал из кармана поющий телефон. А, понятно, это рингтон такой. Он Валера, и звонок, соответственно, — “Валера”.

— Я нэ можу зараз говорыты, передзвоню пизнишэ, — торопливо ответил он и отключился.

— Ребята, не надо так, — сказал я. — Это Москва, а не Жмеринка. Здесь уже не принято так людей кидать. Это наглость. Верните деньги по хорошему.

— А как будет по-плохому? — прищурившись, поинтересовался Олег. — Ментов покличешь, чи шо? А хто видел, шо он давал нам бабки? Расписка, може, е, квитанция какая? А хто сказал, — он наклонился ко мне, — шо эта доска ваще наша? А?

— Нет, хлопцы, вы чего-то не догоняете, — вздохнул я. — Наглость, конечно, второе счастье, но... Вы поставили человека в безвыходное положение, он влез в кредиты, и ему, действительно, будет одна дорога — в полицию, если вы не вернёте деньги. И знаете, мне что-то подсказывает, что встреча с ней — не в ваших интересах. Судя по этим сумкам, вы в Москву не только ради Коли приехали. Есть и другие делишки, не правда ли? Стоит ли рисковать? Но если вы так уверены в себе и не хотите разойтись миром, то давайте попробуем? Мы выйдем за дверь и сразу наберём полицию. А вы пока никуда не уходите.

Парни уставились друг на друга, потом на нас.

— А чего ждать? — пожал плечами Валера. — Звони прямо сейчас. — Он завёл руку за спину и достал оттуда пистолет. — Звони, звони, а я тебе в репу стрельну.

В комнате повисло молчание. Мы с Рыжих, как зачарованные, уставились на ствол.

— Ну, чего не звонишь?

— Как же ты будешь стрелять? — с усилием спросил я. — Это “хрущёвка”, в самой дальней квартире услышат. Всё равно не успеете смыться. Кто-нибудь и без нас позвонит в полицию. Лучше вы отдайте Николаю деньги, и мы пойдём.

— Нет, нет! Не слушайте его! — энергично замотал головой Рыжих. — Не надо денег, мы так уходим. Ментам звонить не будем, клянусь!

— Кто ж тебе теперь поверит? — с грустинкой молвил Валера. — Зря вы, мужики, сюдой пришли. Жизнь дороже, чем пол-лимона. Как говорится, ничего личного, но... Олэжка, закрой дверь. И принеси скотч. Не хвльтойся, эксперт хренов, я в тебя обязательно выстрелю, если дёргаться начнёшь.

— Валер, а де той скотч?

— Ну, де, братан, — в муде! У сумци корычнэвой подывыся! Там, дэ подарункы дитям!

— Ага, вот!

Вошёл Олег со скотчем в одной руке и наборной финкой в другой.

— Заклэй йим роты и звязкы руки, — распорядился Валера. — Вин вирно сказав: стрияныною тилькы сусидив розполохаемо. Трэба йих заризаты.

— Гаразд, а дали шо?

— Шо, шо: вальты звидсы будэмо.

— Так в нас жэ квыткы на завтра!

— Олэжко, ты дэбил? Мы будэмо чэкаты в одной квартири з двома мертвякамы до завтра?

— Всэ зрозумив! Ну, мужики, вам свезло: плита на могилу в вас уже есть! — Он направился к нам, сверкая буркалами и поигрывая финкой.

Я схватил Рыжих за руку:

— Коля, повторяй за мной: “Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его...”

Комната завертелась перед моими глазами, а с нею и зловецкие хохлы, как космонавты на вестибулярном тренажёре, всё быстрее, быстрее, — и гигантская воронка поглотила их.

* * *

Я стоял в аэропорту, прямо посреди зала, а мимо шли люди. Господи, снова жив! Спасительная молитва! А где Рыжих? Я посмотрел вокруг: Коли не было. Неужели он остался там, в квартире? И его зарезали? Дрожащими руками я поискал на себе телефон. Вот он... “Имена”... “Рыжих”. Я нажал кнопку вызова. Пошли длинные гудки. И где-то на десятом Коля ответил зашпанным голосом:

— Лосев, ты чего? У тебя, вообще, часы есть? Я только лёг... Что случилось?

— Ты жив?!

— Что за вопрос? Жив пока. А есть сомнения? Почему ты спрашиваешь?

— Да... приснилось, что тебя хотят зарезать.

— Кто?

— Хохлы.

— Кто? Хохлы? Не дождутся! И всё?

— Всё.

— Ну, спасибо за заботу, это очень приятно, особенно ночью.

— Извини, решил сразу проверить, а вдруг сон в руку. Как вообще дела?

— Ну, как? Денег нет. Кредиторы держат за яйца. Сидел полночи над хеттами. Да мы виделись с тобой позавчера, чего ты спрашиваешь?

— Да-да... Ты не обижайся, просто рад тебя слышать.

— Да взаимно! Просто спросонья не могу сразу радоваться.

— Ладно, ладно. Я, действительно, со временем переборщил.

— Ну, давай!

— Давай!

Гора с плеч! Значит, в этом пласте “Аквариума” Коля жив-здоров. Надо полагать, не убили его и в предыдущем... Ведь в “Аквариуме” как: если начнут убивать на одном витке, то и в других продолжают. Стригунова вон и в Южноморске, и Венеции шарахнуло. Хорошо, а я что здесь делаю? Опять куда-то улетаю? Но я стоял лицом дверям с надписью: “Выход/Exit”, — и спиной к стойкам регистрации. Прилетел? Однако багажа у меня не было. Так я Аню, что ли, провожал? — осенило меня. В Южноморске? И сейчас я на месте Лосева, который потерялся в прошлой серии?

Я не очень обрадовался такой возможности. В той, предыдущей серии я начал разруливать проблемы жены и дочери, а сейчас что же — всё заново? С отнюдь не гарантированным результатом? Так легко выручать Аню и Лену “Аквариум” мне уже не даст. Я опережал Лосева номер пять, не вернувшегося из аэропорта, больше чем на сутки, а сейчас откатился назад. Один плюс в ситуации: теперь я точно не поеду с Рыжих к хохлам. Постой, постой: я ведь я виделся вчера с Колей в издательстве, и он мне ни слова не сказал про ночной звонок! И не напрягся, когда я сейчас упомянул про хохлов! Как-то это неестественно! А может, здесь всё развивается совершенно по-другому?

И, словно в ответ на этот вопрос, я увидел идущих прямо на меня Стригунова и Лилу. Я помотал головой, как конь, но видение не исчезло. Они катили свои чемоданы от входа и, поравнявшись со мной, совершенно равнодушно скользнули по мне взглядами и даже не кивнули. Конспирация? Но в глазах их я не увидел и тени узнавания, а глаза в подобных случаях выдают. Они просто меня не знали и прошли, как мимо столба. Ольга была в сиреневом, а у Павла Трофимовича не наблюдалось никаких признаков пережитого инсульта. Так что же: они в Венецию летят? Не может быть, с тех пор прошёл год! Тут я поймал себя на мысли, что не знаю, в каком, собственно, году летал в Венецию, — не было случая уточнить.

Итак, Лилу улетает, и я вовсе не смогу на неё рассчитывать, как это получилось у Лосева номер четыре. И с Леной всё будет как-то иначе. Кажется, с Рыжих, на его счастье, тоже. А со мной? Я скорее машинально, чем осмысленно, пошёл вслед за Стригуновым и Лилу. Кто сказал, что они летят именно в Венецию? То, что за границу, очень даже вероятно — ведь это же “Шереметьево”. Но ведь могут и просто в Южноморск, как Аня, причём тем же самолётом. Посмотрим, на какой рейс они зарегистрируются.

— Гражданин, минутку! — Кто-то взял меня за локоть.

Я обернулся: полицейский и ещё один человек в штатском.

— Младший лейтенант Отрошенко! — представился полицейский. — Проверка документов. Пройдёте в наш опорный пункт — это рядом.

— А здесь, что, нельзя проверить? — Я с сожалением посмотрел в сторону удаляющихся Павла Трофимовича и Глазовой.

— Там нам будет удобней. Нам ещё надо задать вам пару вопросов. Пройдёте, гражданин.

— А в чём, собственно, дело? Может, вы меня с кем-то перепутали?

— Там выясним. Пройдёте.

И я пошёл вместе с ними, — точнее, они меня обступили с двух сторон и повели.

Шереметьевский околоток был больше похож на офис — стулья с ножками из нержавеющей стали, угловые столы, компьютеры, факс, принтер, ксерокс. Я достал документы и протянул Отрошенко, но их перехватил тип в штатском — молодой, с въедливым взглядом.

— Позвольте, вот младший лейтенант представился, а вы на каком основании берёте мои документы?

— Майор Рокотов, Петровка, тридцать восемь. — Он показал удостоверение.

— Петровка? — удивился я. — Ну, тогда вы точно ошиблись. Чем моя скромная персона может быть интересна Петровке?

— Как знать, как знать... — загадочно молвил Рокотов, изучая мой паспорт и водительские права. — Могу я вас спросить, Борис Сергеевич: что вы здесь делаете?

— Жёну провожал.

— А сами никуда лететь не собираетесь?

— Нет, конечно!

— А почему вы шли к стойкам регистрации, когда мы вас окликнули?

— Показалось, знакомых увидел.

— Каких знакомых?

— Ну, это вас совершенно не касается.

— Как знать, как знать, — повторил майор. — Выньте, пожалуйста, из карманов все ваши вещи.

— Что? На каком основании?

— Вы задержаны для установления личности и выяснения обстоятельств возможного правонарушения.

— Какого ещё правонарушения?

— Вы подозреваетесь в телефонном терроризме и распространении заведомо ложных сведений.

— Что за бред? — Я остолбенел.

Телефонный терроризм?! Час от часу не легче! Может быть, Колобакин пожаловался полиции на мой звонок ректору Бутлеси в Венецию? Однако это было в другой серии, и, к тому же, ещё через несколько часов!

Машинально я выложил бумажник, носовой платок, визитные карточки давно забытых людей, какие-то чеки, квитанции. От “звенящих” вещей — телефона, часов, мелочи, ключей от квартиры и машины — я освободился ещё раньше, чтобы пройти рамку металлоискателя перед опорным пунктом. Отрошенко взял лоток с ними и так мне и не вернул. Среди вынутых из карманов бумажек я увидел шереметьевский парковочный талон.

— А на какой срок я задержан?

— Закон позволяет на сорок восемь часов до предъявления обвинения.

— Так у меня же машина здесь на парковке! Всего на полтора часа — видите талон? Потом начислят пеню в пять тысяч или отволокут на штрафстоянку! Можно я с младшим лейтенантом схожу туда, продлю?

Рокотов воспринял мою просьбу без всякого энтузиазма, подозрительно на меня покосившись. Дескать, ага: ты вырубил Отрошенко и уедешь?

— Не положено.

— Да будьте же человеком! Можно так ещё: товарищ Отрошенко возьмёт из моего бумажника деньги, пойдёт и оплатит.

— Я на дежурстве и не имею права отлучаться по частным просьбам, — отказался, в свою очередь, младший лейтенант.

— Ну, вот так всегда у вас: мне ещё не предъявили обвинение, а я уже наказан! Машина-то здесь при чём?

— Все свои претензии вы можете изложить следовательно, — заявил майор.

— А вы кто?

— Я оперативный работник.

— Где же этот следователь?

Рокотов пожал плечами:

— Дома спит. Это мы по ночам работаем, а у них нормированный рабочий день. Увидитесь утром, я полагаю.

— Нет, отлично! А чего вы меня утром не задержали?

— Потому что вы могли сейчас сесть на самолёт и утром приземлиться в другом городе. Не исключено, что и в другой стране.

— В какой ещё другой стране? При мне ни загранпаспорта, ни билета! Аренда парковки — всего на полтора часа!

— А откуда нам это было знать?

Я задумался.

— А положенный мне по закону адвокат когда будет?

— А у вас есть свой адвокат?

— Нет, конечно! Адвокатов имеют жулики, а жуликов вы не арестовываете.

Рокотов пропустил мимо ушей насчёт жуликов.

— Тогда вопрос о назначении вам госзащитника тоже будете решать со следователем.

— А сейчас меня куда?

— Никуда. Здесь есть специальное помещение для задержанных, где вы и скоротаете время до утра.

— А вы?

— А моя миссия на этом завершена. Сейчас составлю протокол задержания и уеду.

— Послушайте, майор, но ведь мою машину тоже обыскивать положено.

— Да, когда прокуратура даст ордер на обыск. Мы ведь вас не обыскивали: вы, так сказать, добровольно предъявили имеющиеся у вас вещи.

— Ладно, пусть добровольно. Но если мою “шкоду” отправят на штрафстоянку, у ваших коллег будут с её обыском проблемы. Прошу отметить в протоколе, что я предупредил.

Рокотов почесал в затылке.

— Хорошо! Отрошенко, возьмите из бумажника, сколько задержанный скажет, и оплатите на парковке. А я пока присмотрю за гражданином Лосевым.

— Спасибо!

Жена бы мне сказала: “В этом ты весь, Лосев: успешно решаешь даже не второстепенные вопросы и никак не решаешь главных!” Да, с машиной, ты, кажется, на время уладил, а вот как быть с непостижимым обвинением в “телефонном терроризме”? Что-что, а это меня совершенно никогда не привлекало! Доселе, оказываясь, благодаря “Аквариуму”, на месте других Лосевых, я не получал сведений, что они совершали нечто не присущее мне. И вдруг... А “распространение заведомо ложных сведений”? Хотя... смотря, что считать этими “сведениями”. Допустим, тот Лосев, чьё место я сейчас занимаю, есть вариант меня самого, пережившего в Южноморске исчезновение

этрuscoлогов. И вот он, улетев в Москву, начинает говорить невыгодную для правоохранителей правду. Чем не “распространение”? А попытка дозвониться до влиятельных лиц в связи с бездействием органов в Южноморске могла быть трактована как пресловутый “телефонный терроризм”.

Когда Рокотов закончил с протоколом и сунул мне его на подпись, вернулся Отрошенко и показал мне квитанцию об оплате парковки на сутки. Потом майор распрощался, а меня отвели в местный “обезьянник” — соседнее помещение, охраняемое зевающим сержантом. Там уже находился интеллигентный мужчина, чем-то смахивающий на меня самого — тоже седоватый, с морщинами на лбу и пронизательным взглядом.

Мы поздоровались, и некоторое время сидели молча на устроенных в виде помоста нарах.

— Преступник сегодня какой-то странный пошёл, — сказал, наконец, мой сокамерник. — Не знаю, похож ли я на авиационного дебошира, но вы точно не похожи.

— Я и не летел никуда.

— А за что же вас?

Я махнул рукой:

— Обвинение настолько абсурдное, что мне даже противно его пересказывать.

— Да и не надо, — улыбнулся он. — Вижу, что вас, как и меня, задержали напрасно. Меня зовут Фёдор.

— Борис, очень приятно.

— Взаимно. Вас, кажется, тяготит что-то, у вас растерянный вид. Не могу ли я вам чем-то помочь?

— Спасибо за участие, это такая редкая вещь нынче. Да только чем вы можете мне помочь, находясь в точно таком же положении, как я?

— С одной стороны, так, а с другой — помощь далеко не всегда выражается действием. Советы подчас бесценны, хотя дураки говорят, что предпочтительнее деньги.

Я засмеялся.

— Да, деньги мне точно не помогут. Вы, я вижу, соскучились здесь в одиночестве. Что ж, могу вас развлечь. Но предупреждаю, у вас может появиться желание попросить у него, — я показал на дремлющего за плексигласовой перегородкой сержанта, — убрать подальше от вас этого психа.

— Да ведь некуда убирать. Вы что же — буйный? — Однако испуга в глазах Фёдора я не заметил.

— Какое — буйный... Я не знаю, где я и что я. Я потерялся во времени и пространстве. Что вы мне можете посоветовать?

— Смотря, как потерялись... Вы где живёте?

— Живу-то я здесь, местный... Если бы меня сейчас отпустили, то я поехал бы домой. Но там должен жить другой я, из иной реальности. Похожей на мою, но иной. Не знаю, как ещё объяснить.

— Хм... очевидно, вы живёте в мире, где много ваших двойников. И у вас трудности с собственной идентификацией.

— Никаких трудностей. Я — это я, даже с тех пор, как появились эти... видения. Но я оказываюсь на месте своих двойников в других, параллельных мирах, и не знаю, что они делали до этого и что будут делать после. Возможно, мой предшественник и совершил нечто, за что я угодил сюда, но не знаю, что.

— Вы говорите — видения... А нельзя ли отказаться от них и вернуться в ваше изначальное состояние, когда их ещё не было?

— Да весьма желательно! Но как я вернусь к себе изначальному, скажем, отсюда? Я вообще-то могу переместиться с помощью молитвы против бесов и проницаемых зеркал, да только не получается в изначальное состояние.

Фёдор задумался.

— Каковы бы ни были видения, всегда есть реальность, и она одна. Покуда вы верите видениям, они от вас не отступят. А если вам отнестись к ним именно как к видениям?

— Хорошо, вы — видение. Что дальше?

— У вас есть чувство юмора, — отметил он с одобрением. — С ним легче. Если я в вашей жизни — видение, то рано или поздно я исчезну. Но только от вас зависит, насколько быстро это случится. Появлению фантомов предшествует какая-то причина — вам нужно её удалить. Покопайтесь в себе, найдите её и скажите: ты только морок, наваждение, исчезни!

— Умом я это понимаю, но не знаю, как сделать в реальности. Я устал. Да что мы всё обо мне? Вы-то по какой причине здесь?

— Похоже, меня обвиняют в том, о чём я предупреждал. Я чувствую приближение опасности. Вчера днём я должен был вылететь из Южноморска.

— Из Южноморска?

— Да, я там живу. На регистрации я вдруг с необыкновенной ясностью понял, что самолёт разобьётся. Я сказал об этом всем, кто был рядом. Начался скандал. Меня отвели в офис авиакомпании. Я настаивал на том, чтобы мне поменяли билет. В конце концов, я купил с большой доплатой билет на самолёт другой авиакомпании. Как я ни призывал, никто больше не последовал моему примеру, — напротив, многие выражали недовольствие, что я задерживаю регистрацию.

— И что же?

— Самолёт разбился. Все погибли.

Мне стало жарко.

— “Эйрбас”? Авиакомпании “Зюдвинд”?

— Совершенно верно. Вы, я вижу, уже слышали об этой трагедии.

— Д-да, — выдал из себя я.

— Ну, вот. А когда я прилетел сюда несколько часов назад, меня задержали. Я под подозрением, потому что знал о катастрофе. А те из аэропорта, кто меня не послушал, — получается, нет.

— Ну да, ну да... — пробормотал я. — Вы единственный выжили, вам и отвечать. Мне это всё очень знакомо. В сущности, с похожей ситуации и начались мои блуждания в лабиринте... Все исчезли, а я нет...

Я хотел ещё сказать, что был в том падающем самолёте, но переместился из него благодаря молитве, однако Фёдор вдруг зевнул и потёр глаза.

— Тянет в сон, простите великодушно. Трудный сегодня был день... Я, с вашего позволения, подремлю немножко.

— Конечно, конечно!

Он снял ботинки, поставил их аккуратно вниз, прилёг на топчан-пюмост, повертелся так и сяк, а потом устроился на боку, положив под голову руки. Я же лёг на спину и смежил было веки, как Фёдор повернулся ко мне и сказал:

— Между тем, в моём рассказе что-то не так. Вот вам упражнение для борьбы с фантомами: подумайте утром, что именно. — И снова отвернулся.

Ещё один говорит загадками! Что-то не так? А что? Ага, вот что: ни тогда, когда я шёл по “гармошке” в “эйрбас”, ни после, в самом самолёте, никто не говорил про странного человека, предрекавшего крушение. Да тот же Киров, послушав Фёдора, ни за какие коврижки не поднялся бы на борт! Другое дело, что регистрация идёт два часа и далеко не все могли услышать предсказание. Судя по рассказу Фёдора, скандал, в основном, развивался в офисе “Зюдвинда”, куда его отвели. Так что, если здесь “что-то не так”, то пятьдесят на пятьдесят, серединка на половинку. Но как это мне поможет в борьбе с фантомами?.. Под эти мысли я уснул, не понимая даже приблизительно, как.

Когда я проснулся, Фёдора на нарах уже не было. Уже увели? А я так и не узнаю разгадку его шарады! Но, скорее всего, Фёдор меня просто обманул. “Просто”? Нет, не просто: рассказывая, он, без всяких сомнений, знал, что я знаю про “эйрбас”. История была рассчитана на моё знание, а не на незнание. И, если в ней таится обман, то это нечто более основательное, что тот факт, что пассажиры не обсуждали при мне предсказание Фёдора. А почему он меня прервал, когда я сам захотел рассказать про “эйрбас”? Имеет ли это отношение к обману? И тут меня осенило: ведь непропавшие этрускологи улетали с конференции не раньше 27 апреля, а вчера, когда

Фёдор якобы напророчил падение самолёта, было 24-е! Да и вообще: в Южноморск я летал в прошлом году! Но я поверил, что это было именно с тем “эйрбасом”, в котором я оказался после “филологического пира” у Сталина. А почему? Да потому что хотел верить, как верил во всё, что происходит в мирах “Аквариума”, хотя знал, что это ненастоящая реальность. А как там сказал Фёдор? “Покуда вы верите видениям, они от вас не отступят”.

Мои размышления прервал появившийся перед “обезьянником” Отрошенко. Он постучал в решётку и сказал:

— Поднимайтесь, Лосев! За вами приехали.

— Кто приехал? Я вам, что, шкаф — возить меня туда-сюда?

— Из прокуратуры. Собирайтесь!

Ну, если из прокуратуры... Поясница ныла от жёстких нар. Я сел, крихтя, обулся. Отрошенко отпер замок.

— А скажите, младший лейтенант, вчера было крушение самолёта компании “Южный ветер”?

— Не слышал.

Так, понятно, Фёдор меня дурачил.

— А куда делся человек, что сидел со мной?

— В психушку отвезли, на экспертизу.

— А чего вы меня с психом в одной клетке держали?

— Мы не психиатры, чтобы диагноз ставить. Может, он и не псих ещё.

В соседней комнате меня ждали два крепыша в штатском — вроде Рокотова. Отрошенко отдал им мои вещи в бумажном пакете, вместе с описью и протоколом, и мы пошли к выходу. Там нас ждал чёрный “БМВ” или “бумер”, как говорят в народе.

Стиснутый на заднем сиденье двумя конвоирами, я думал о том, что все вопросы Фёдора были подсказками. “Вы говорите — видения... А нельзя ли отказаться от них и вернуться в ваше изначальное состояние?... — Да весьма желательно!” И тому подобное. Он знал, что я отвечу, и спрашивал исключительно для того, чтобы ответ прозвучал. Для меня, а не для него. Свою историю про “эйрбас” Фёдор рассказал после того, как призвал меня удалить причину, по которой я оказался среди фантомов. Ликвидация одного такого фантома — крушения самолёта — произошла прямо в моём присутствии. Надо полагать, это и было пресловутым “упражнением”. Мне нужно сделать нечто подобное, чтобы вернуться в реальный мир. Но что?

* * *

Я как-то невольно возгордился, когда понял, что меня привезли в Генпрокуратуру на Большой Дмитровке. Пусть это и не я подозреваемый, а Лосев номер неведомо какой, но им занимается не районная прокуратура и даже не городская, а Генеральная! Не хухры-мухры! Знай наших — парней из “Аквариума”!

Но ещё больше я удивился, когда в кабинете, в который меня доставили, увидел знакомого лысого человека с вдавленным носом.

— Румянов! — воскликнул я. Подтвердилось моё первоначальное предположение в околотке, что взяли меня за “распространение” правды об этрускологах. Ну, что ж, так, может быть, проще: предупреждён, значит, вооружён.

Следовательно, между тем, нахмурился:

— Откуда вы знаете мою фамилию? На дверях этого кабинета нет таблички!

Вот тебе раз! Да, “Аквариум” в своём репертуаре: бросит сначала “подсказочку”, и, как только я ей поверю, и тут же меняет ситуацию на сто семьдесят градусов! Судя по глазам того Румянова, что сидел передо мной за столом, он явно со мной никогда не встречался. И в Южноморске, наверное, не был.

Я ответил уклончиво:

— Ну, страна должна знать своих героев.

— Я не медийная фигура, чтобы страна меня знала.

— Ну, это вам только так кажется. Следователь по особо важным делам Генпрокуратуры — медийная фигура.

Но Валентин Игоревич продолжал смотреть на меня с подозрением.

— В странные игры вы играете, Лосев. Если не сказать больше. Однако начнём. — Он взял ручку, придвинул к себе бланк протокола. — Ваша фамилия, имя, отчество?

Я засмеялся.

— Вы же сами назвали мою фамилию.

— Это не имеет значения. Я могу ошибаться. По закону вам необходимо полностью представиться.

Я представился, и дальше повторился тот же опрос, что уже имел место в баре “Аквариума”. Покончив с анкетными данными, Румянов спросил:

— Вас задержали в аэропорту “Шереметьево”. Что вы там делали?

— Меня уже спрашивали.

— Я не спрашивал. И так?

— Провожал жену в Южноморск.

— На конференцию этрускологов? — как-то скривился Валентин Игоревич.

Я опешил. Всё-таки — этрускологи! Этот “Аквариум” нещадно дёргает меня за ниточки в разные стороны, как Петрушку!

— Почему этрускологов? — пробормотал я. — Филологов. Моя жена — филолог.

Следователь смотрел на меня, сдвинув брови.

— Теперь — филологов... Это настоящая конференция?

— Что значит — настоящая? Бывают ненастоящие? Впрочем, спросите у жены.

— Спросим. Маловероятно, что конференция филологов с участием вашей жены будет проходить в том же городе, где вы устроили провокацию.

— Какую ещё провокацию? — Начинается! — Я никогда не был в Южноморске! — добавил я от лица Лосева номер пять, проверяя реакцию Румянова.

— Мы знаем, — тут же попался он. — Но в местной гостинице вы бронировали по интернету пятьдесят номеров якобы для участников конференции этрускологов. В числе которых были и вы.

Я искренне удивился:

— Откуда у меня деньги на бронирование пятидесяти номеров? Я бедный писатель!

— Не прикидывайтесь, Лосев. Вы нашли в Южноморске новый отель, который не требует предоплаты за бронирование. И заказали от лица несуществующего оргкомитета конференц-зал в городской библиотеке. Местные СМИ, естественно, вслед за библиотекой анонсировали мероприятие. В университете узнали и тоже захотели участвовать. Городские власти поддержали. Не каждый день в провинциальном городе проходят международные конференции!

— И зачем, спрашивается, мне это делать?

— Чтобы в день открытия мнимого мероприятия анонимно звонить во все инстанции и писать в интернете, что участники конференции одновременно исчезли, войдя в гостиницу “Аквариум”. А поскольку журналисты собрались в назначенный час в библиотеке и ждали открытия, то они официально передали в редакции информацию о загадочном исчезновении делегатов. Тогда подключились органы. Это и было, очевидно, то, чего вы ожидали. И я тоже хочу знать: зачем?

— А это доказано: что я бронировал, заказывал, звонил по телефону и писал в интернете?

— Да, установлено, что сообщения поступали с ваших аккаунтов и с вашего мобильного телефона, — не с основного, а с того, что у вас в планшете.

Ах, Лосев номер пять, стервец!

— А при чём здесь телефонный терроризм, как сказал майор Рокотов?

— Поскольку к мнимому инциденту были подключены органы правопорядка и подключены серьёзно, ваши деяния можно инкриминировать как телефонный терроризм. Впрочем, этот пункт ещё нуждается в уточнении. Вы едва не спровоцировали международный скандал, поскольку заявили в числе делегатов иностранных учёных. Спасибо МИДу, который быстро сумел доказать, что это фейк. Тогда вы, неудовлетворённый, вероятно, резонансом, попытались повторить нечто подобное за границей, в Венеции, действуя по той же схеме: бронирование мифическим оргкомитетом отеля “Альвери”, информация в местные СМИ, привлечение Венецианского университета. Но эту провокацию, названную вами конгрессом венетологов, удалось предотвратить.

— Как же удалось, когда Стригунов и Глазова туда полетели? — вырвалось у меня.

— Что?! Кто полетел? Подробнее, пожалуйста!

— А какой смысл? Я вам уже говорил подробно в Южноморске, когда вы там меня допрашивали! И что толку? Просрали расследование и теперь лепите из меня “телефонного террориста”, чтобы самим ни фиги не делать!

— Попрошу вас не выражаться! Вы же никогда не были в Южноморске! И я, кстати, тоже!

— Да, — устало сказал я, — извините. Вы такая же марионетка “Аквариума”, как и все остальные, и в своём нынешнем амплуа, действительно, не бывали в Южноморске.

— Какого ещё “Аквариума”? Это же название южноморского отеля, который вы бронировали!

— На какие числа я его бронировал?

— На восемнадцатое — двадцать первое апреля.

— А отель “Альвери”?

— На двадцать пятое — двадцать восьмое.

— “Аквариум” и “Альвери” были забронированы оба на двадцать пятое — двадцать восьмое апреля! Не знаю только, какого года. Румянов, никакого расследования нет! И вас нет, вы фантом! Вас хватает только на то, чтобы по воле “Аквариума” корректировать даты — достоверности ради! А то обе “провокации” приходится на одни и те же дни!

Валентин Игоревич откинулся на спинку кресла.

— Среди версий о ваших мотивах была и писательская деятельность. Слушаю вас и убеждаюсь, что она наиболее вероятна. Наряду с шизофренией, — прибавил он. — Впрочем, тут одно другому не мешает. Психиатрическая экспертиза покажет. Вы что же: прославиться таким образом хотели?

— Психиатрическая экспертиза?.. — повторил я. Ага, и Фёдора на неё отправили. — Да, Румянов, точно, писательская деятельность. Один из моих двойников написал обо всём этом роман. И вы существуете только потому, что существуете в романе. За его пределами вас нет.

В этот момент со следователем произошло нечто необъяснимое: он, как зеркало “Аквариума” перед тем, как стать проницаемым, задрожал мелкой рябью, и физиономия его стала размываться, особенно по краям. Впрочем, может быть, мне показалось, потому что, когда через секунду Валентин Игоревич выпрямился в кресле, его облик снова стал чётким, как будто кто-то устранил помехи в телевизоре, поправив антенну.

— Ещё как существую, на вашу беду! — прогремел Румянов. — Итак, ваш мотив: устроить грандиозные скандалы и написать по свежим следам роман?

— Скажите, Валентин Игоревич, каким образом я вас узнал, если мы не встречались? Ведь вы, действительно, не медийная фигура.

— И каким же, мне тоже интересно?

— Мой двойник, автор романа, вас придумал, вот и всё. — Я прикрыл глаза и вспомнил слова Фёдора о причине существования фантомов: “Вам нужно её удалить. Покопайтесь в себе, найдите её и скажите: ты только морок, наваждение, исчезни!”

Так, может, надо удалить роман? Точно! Вот если бы я был дома, за компьютером Лосева номер пять! Постой, но разве техника имеет какое-либо

значение в том, что я, размноженный в зеркалах “Аквариума”, написал роман? Он написан не на компьютере! Этот компьютер не материален! Он у меня в голове! Надо просто представить его себе воочию, включить...

Откуда-то издаലെка ко мне пробивался голос Румянова: “Что с вами? Очнитесь! Вам плохо? Сейчас я водички...” Титаническим усилием воли я усадил себя за свой стол, включил системный блок, монитор... “Да воскреснет Бог!..” Замерцал экран, всплыла заставка, выстроились в ряд ярлычки... В мои зубы толкался край стакана, из которого следователь пытался меня напоить, вода лилась на подбородок и грудь. “Мои документы”, нажимаю... Ищем... Как там — “Этрусское не читается”? В самом низу должно быть. Но нет такого файла. Нет! Подожди, там же не “Этрусское” было, а “*Этрусское*”! Латиницей начинается, значит, это наверху списка, а не внизу. Вот, есть! Голос Валентина Игоревича ослабел до комариного писка: “Кто-нибудь! Позовите медика! Подозреваемому плохо!” Я открыл документ, засветилось белое поле с шеренгами чёрных строчек: “Борис Лосев. “*Этрусское не читается*”. Роман”. “На воздух его надо, на воздух!” — пищали потусторонние голоса. “Выделить”, нажал я. Потом: “Выделить всё”. Голубая тень легла на текст. “Delete”, — ударил я по клавише, как пианист, финальным аккордом добывающий сонату. Ослепительный свет хлынул из освобождённой страницы, и под почти уже неслышимый визг: “Искусственное дыхание ему нужно!” — моё тело утратило вес и взлетело ввысь, подхваченное дуновением неведомого ветра.

* * *

— Ваш паспорт, пожалуйста, — сказал голос по ту сторону света.

Я открыл глаза и увидел прямо перед собой, за гостиничной стойкой, того самого портъё, что встречал нас в “Аквариуме” в день заезда. Я оглянулся: за мной стояла очередь этрускологов из автобуса. Вон Киров блестит очками, улыбается. Вау, “Киров с нами”! А вон, на диване, мой чемодан и портфель. Это что — мы опять в гостиницу заселяемся?

— Ваш паспорт, будьте добры, — повторил портъё, несколько озадаченный задержкой.

Я посмотрел на документ в своей руке.

— Нет, — помотал головой.

— Простите?

— Я передумал. — И положил паспорт обратно в карман. — Этрусское не читается.

Я взял портфель и чемодан и пошёл к выходу под недоумённые взгляды делегатов. По пути я миновал зеркало, в котором не отразился, и снова покачал головой: хватит, никаких зеркал! Только через двери!